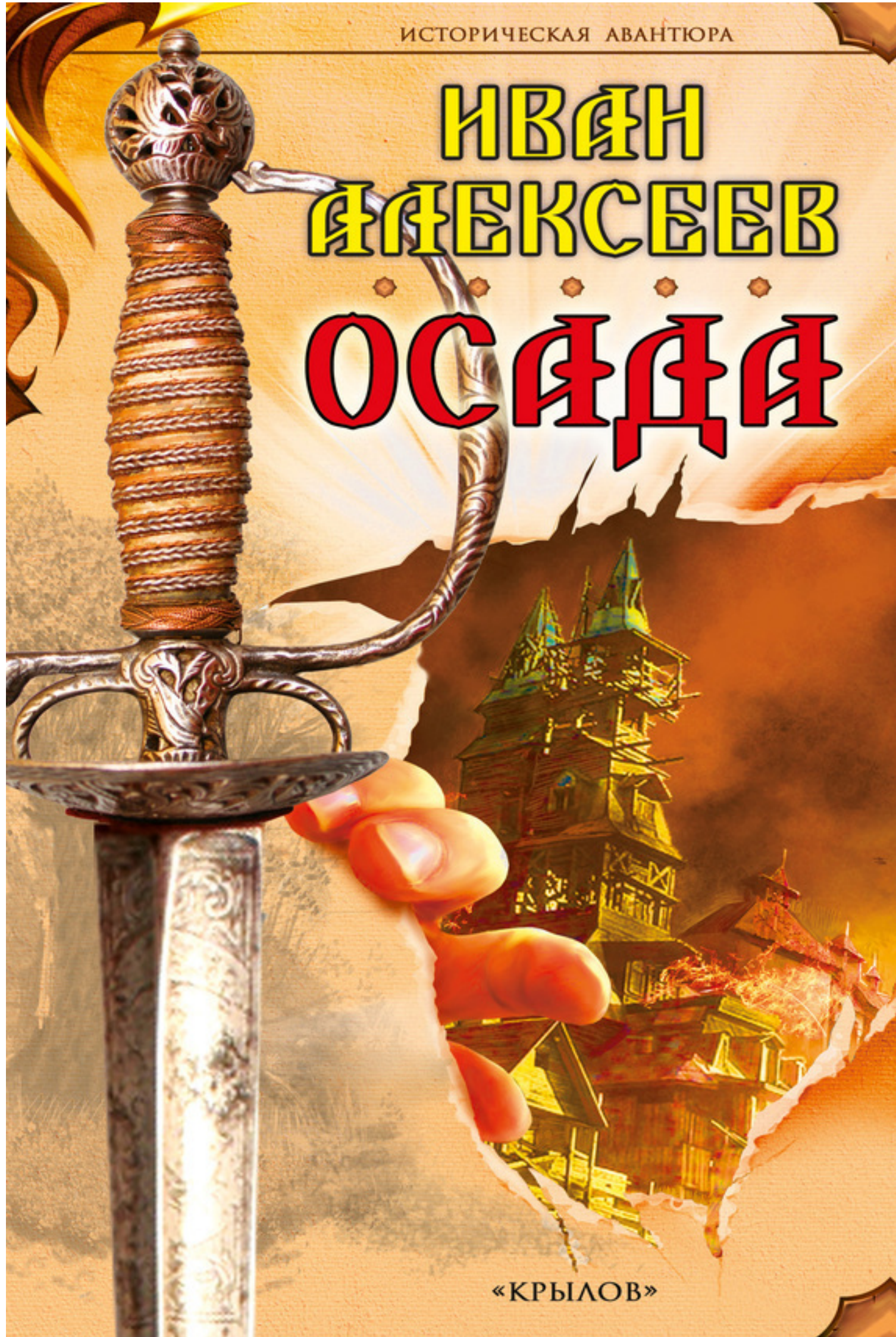

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ИВАН АЛЕКСЕЕВ ОСАДА

«КРЫЛОВ»

Дружина особого назначения

Иван Алексеев

Осада

«Крылов»

2014

Алексеев И.

Осада / И. Алексеев — «Крылов», 2014 — (Дружина особого назначения)

Русь в беде. Король Стефан Баторий, прозванный в Европе «Непобедимым», осадил город Псков. Под стенами псковского кремля встало лагерь многотысячное войско, устроенное и вооруженное по последнему слову военного искусства. В бой рвется воинственная польская шляхта, немецкие пехотинцы-ландскнехты, шотландские конники-рейтары, да и вообще наемники со всей Европы. Готова заработать во всю мощь всеокрушительная осадная артиллерия. Ни много ни мало вся Европа ополчилась против государства Российского. Кажется, что дни Пскова сочтены. Но надежда есть. В свое время в поморских лесах был создан воинский стан. В нем, по примеру древней Спарты, воспитывали воинов, способных в одиночку противостоять многочисленным врагам. На счету «дружины особого назначения», воспитанников Лесного Стана, немало славных дел: и явных, и тайных, и на своей земле, и за пределами отечества. Но сейчас предстоит, возможно, главное дело жизни – отстоять Псков. Никак нельзя пустить интервентов вглубь России, нельзя дать жечь и разорять города русские.

Иван Алексеев

Осада

© Алексеев И., 2014

© ИК «Крылов», 2014

* * *

Красиво идут! Дюже красиво! Аж мороз по коже, – прошептал Ванятка на ухо напарнику. Степа лишь коротко кивнул в ответ, поднес палец к губам, дескать, молчи и наблюдай!

Они лежали в густых кустах на краю невысокого обрыва, крутой песчаный склон которого переходил в пологую равнину. На равнине, покуда хватало глаз, простирался сосновый бор. Вдоль опушки бора, почти под самым обрывом, пролежала неширокая торная дорога. По ней сплошным потоком двигались войска.

Хотя небо было покрыто серыми тучами, набухшими прохладным августовским дождем, шлемы пехотинцев, стволы их мушкетов и широкие лезвия алебард, кирасы всадников, казалось, притягивали солнечные лучи даже сквозь хмурые тучи. Доспехи и оружие грозно сверкали на фоне темного бора. Яркие шелка камзолов и шаровар, желтые, оранжевые, пунцовые и голубые, словно бы сами светились изнутри, как светятся в сумерках окна княжеских теремов, сделанные из затейливых разноцветных стеклышек. У каждой роты, двигавшейся четким прямоугольником, составленным из удивительно ровных колонн и шеренг, камзолы были своего особого цвета.

На дороге показались орудийные запряжки. Степа принялся загибать пальцы, считая орудия, но пальцев обеих рук, конечно же, не хватило, и он разжимал уже сжатые кулаки, вновь возобновлял счет, жестом велел Ванятке отмечать на своих пальцах каждый десяток. Наконец запряжки прошли, и опять показались всадники. Только кирасы и шлемы на них были уже не просто стальные, а золоченые, и у каждого за спиной прикреплены белые лебединые крылья. Над головами крылатых всадников реял богато изукрашенный штандарт, а в середине их колонны двигалась, не соблюдая строя, группа кавалеров, восседавших на породистых и стройных, но разномастных лошадях. Кавалеры эти вместо доспехов были разодеты в кружева и бархат.

– Все, уходим! – шепнул Ванятке Степа, и бесшумно пополз прочь от края обрыва назад, в кустарник, покрывавший холм.

Отполз на достаточное расстояние, разведчики поднялись и побежали к одинокой старой сосне, росшей на самой вершине холма.

– Полезай, зажигай дымы, – скомандовал Степа.

– Уверен? – на всякий случай спросил Ванятка, ставя ногу на сомкнутые ладони напарника, подсаживающего его на нижний сук.

– Уверен. С ними сам король. – Степа мотнул головой в направлении дороги, вслед нестройной группе разодетых всадников, окруженной крылатыми гвардейцами. – Видал я его в позапрошлом году под Полоцком.

Ванятка взобрался на вершину сосны, достал из прикрепленного на пояском ремне кожаного кошелька огниво, воспламенил трут, зажег смолу в висевшей на ветвях берестяной корзине. Отстраняясь, насколько это было возможно, от столба поднявшегося вверх черного дыма и протирая слезящиеся глаза, он принялся пристально глядеть на север. Через пару минут там, вдалеке, тоже поднялся к небу дымный столб. Ванятка вздохнул с облегчением, проворно принялся спускаться вниз. На последнем суку он повис на руках, чуть раскачался, мягко спрыгнул на землю.

- Восприняли наш знак? – полувопросительно-полуутвердительно произнес Степан.
- Восприняли. И запалили свой дым.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул разведчик. – Через полчаса домчится наша весть по веренице дымов до самого Пскова. А нам с тобой пора подаваться восвояси. Враги, небось, с дороги наш знак уже приметили. Это тебе не ордынцы, от них в лесу не скроешься просто так. Давай-ка, друже, побежим к болоту, да через него к речке, где запрятан челнок.

Они помчались что есть сил вниз по противоположному от дороги склону холма, продираясь сквозь невысокий, но густой кустарник. Преодолев полторы версты, разведчики вынуждены были сделать привал на пару минут, чтобы перевести дыхание. Лежа без сил на мягком мху, Степа вспомнил одну из любимых поговорок своих старых друзей – поморских дружинников: «Русский ратник должен стрелять, как ордынец, и бегать, как его лошадь». Поморы умели проноситься сквозь сколь угодно густые чащобы легко и свободно, словно лесные олени, и, казалось, не чувствовали усталости. Да и стреляли они удивительно метко, причем, конечно же, не из луков, а из пищалей и пистолей.

Вдалеке явственно послышался собачий лай. Степа, сделав над собой немалое усилие, вскочил на ноги:

- Ванятка, бежим! Это по наши души!

Слегка пошатываясь, спотыкаясь чуть не на каждом шагу, они вновь ринулись напрямик к болоту. Собачий лай за их спинами приближался. Кустарник закончился, сменился редким лесом из невысоких чахлах осин. Под ногами уже время от времени хлюпало, попадались кочки. Вот-вот начнется само болото, из которого вытекает речка, а в ее истоке, в густых камышах, спрятан челнок.

Четыре здоровенных пса невиданной породы настигли разведчиков на самой опушке леса. Степа и Ванятка развернулись им навстречу. Выхватив из-за пояса большой булатный нож, Степа с грозным криком сам бросился навстречу преследовавшим их животным. Обычная собака, даже самая большая и грозная с виду, не выдержит лобовой атаки человека, отскочит в сторону, примется остервенело лаять издали, кружа вокруг страшного врага с намерением тяпнуть его сзади. И только специально натасканные псы прыгнут навстречу, чтобы вцепиться в горло, в руку или в пах. Гнавшиеся за разведчиками зверюги были натасканы как следует. Но и Степа с Ваняткой всю свою жизнь занимались отнюдь не мирным трудом.

Степа выставил навстречу псу, мчавшемуся первым в стае, полусогнутую левую руку. Тот прыгнул на нее с разинутой пастью. Но разведчик резко подтянул к груди локоть, убиравая кисть к плечу, крутанулся всем корпусом вправо. Предплечьем левой руки он сбил пса с линии прыжка, провалил мимо себя, изловчился воткнуть нож в брюхо падавшему зверю, рванул снизу вверх. Удобней было бы бить ножом в горло, но на шее у пса был надет широкий ошейник из железных пластин с большими торчащими во все стороны шипами. Тело убитого животного по инерции пролетело вперед, и Степа не сумел удержать нож, застрявший под ребрами, остался без оружия. И тут же на разведчика бросились остальные три пса. Краем глаза Степа успел заметить, как Ванятка, вооруженный рогатиной, сделал короткий мощный выпад и ткнул широким лезвием в одного из зверей. Тот замертво упал на землю. Крайний слева пес переключился на нового противника, тогда как тот, что был справа, прыгнул на Степана.

В этот раз Степа не успел уклониться с линии атаки и провалить зверя, а лишь смог подставить ему левую руку, запястье которой было защищено широким железным наручем. Клацнули мощные клыки, и даже сквозь наруч Степа ощутил нешуточную боль от сдавливающих руку мощных челюстей. Пес всей тяжестью своей огромной туши потянул разведчика вниз, на землю. Степа не стал сопротивляться, упал на одно колено, предплечьем свободной правой руки накрыл песью морду, навалился всем корпусом сверху вниз. Собаки, естественно, не умеют бороться. Пес даже не пытался освободить свою захваченную в замок голову, а лишь старался сильнее сомкнуть челюсти. Превозмогая боль, от которой темнело в глазах, Степан резко

дернул прижатую к груди левую руку вверх, продолжая давить всем телом на правую руку – верхний рычаг замка, и тут же услышал хруст ломаемых шейных позвонков зверя. Страшные челюсти распались, разведчик повалился на бок рядом с убитым животным. Перед его глазами еще мелькали темные пятна, сквозь которые Степа увидел, что Ванятка, успевший подставить на вытянутых руках древко рогатины под укус четвертого – последнего – пса, теперь боролся со зверем, не давая вырвать оружие. Разведчик и пес тянули рогатину каждый к себе, и пес имел преимущество, упираясь во влажный скользкий мох четырьмя когтистыми лапами.

– Раскрути его, трахни хребтом об дерево! – сдавленным голосом выкрикнул Степан, пытаясь встать на ноги, чтобы вытащить нож из туши убитого им первого пса.

Ванятка понял, изловчился, внезапно рванулся всем телом в одну сторону, потом – в другую, с огромным усилием поднял в воздух пса, вцепившегося мертвой хваткой в древко рогатины, и принялся вращаться на месте, раскручивая тяжеленную тушу. Описав, ускоряясь, три круга, разведчик шагнул чуть в сторону, с разгону ударил зверя спиной о ствол осины. Раздался короткий треск, и Ванятке сперва показалось, что это сломалось дерево. Однако зверь обмяк, отцепился от рогатины, вытянулся во всю длину и бездыханный шлепнулся оземь. Разведчик, по-прежнему крепко сжимавший древко, едва не упал, но сумел сохранить равновесие.

– Что это за псы? Я таких огромных сроду не видывал, – с трудом переводя дыхание, обратился Ванятка к Степе, спешившему ему на выручку в ножом в руке.

Но тут они вновь услышали приближающийся собачий лай и человеческие голоса. Очевидно, гнавшиеся за разведчиками люди продолжали идти по следу, держа нескольких собак на сворках.

– Бежим, болото уже рядом! – вместо ответа поторопил товарища Степан.

Бредя по колено в воде, перепрыгивая с кочки на кочку, они постоянно слышали за спиной звуки погони. Однако собаки, естественно, потеряли след, и вскоре, судя по удалявшемуся лаю, преследователи разделились на две группы и принялись обходить болото справа и слева. Но разведчики, зная дорогу и шедшие напрямик, вскоре достигли зарослей камыша, в которых брала начало вытекавшая из болота речка. Там был спрятан легкий челнок. Его каркас из толстых ивовых прутьев был обтянут бычьими шкурами. Такие челноки изготавливали еще древние люди, населявшие эти леса с незапамятных времен.

Степа и Ванятка приподняли стебли, маскировавшие крохотное суденышко, столкнули челнок в воду, уселись внутрь, принялись осторожно грести, стараясь не плеснуть невзначай веслом. Вскоре речушка расширилась, разделилась на несколько рукавов. Поскольку преследователи, обходившие болото слева, более коротким путем, должны были выйти к речке вперед второй группы, разведчики поплыли по самой правой протоке, стремясь по возможности оставаться под прикрытием камышей. Но вскоре заросли кончились и впереди показалось широкое пространство открытого плеса.

Ванятка, сидевший впереди, предостерегающе поднял руку и принялся табанить веслом. Но небыстрое течение продолжало плавно нести челнок вперед. Степа также перестал грести, ухватился за стебли камышей. Челнок остановился на самом краю зарослей. Ванятка осторожно раздвинул камыши и принялся пристально осматривать противоположный берег, на котором в любую минуту могли показаться враги.

И они появились, человек пятнадцать, с тремя собаками на поводках. Псы были не такими огромными и мощными, как те, что напали на разведчиков час назад. Поджарые, с удлиненными мордами, они не лаяли, а, уткнув носы в землю, деловито принюхивались, пытаясь взять след. Время от времени ищейки поднимали головы, поворачивали их из стороны в сторону, используя верхнее чутье. Однако от берега до скрытого в камышах челнока с разведчиками было довольно далеко, к тому же легкий ветерок, к счастью, дул с берега в их сторону. Поэтому псы ничем не могли помочь своим хозяевам.

Внешний вид этих хозяев сразу привлек внимание Ванятки, заставив его забыть об их собаках. Одежда преследователей была не яркая и бросакая, как у строевых воинов королевского войска, а неприметная, серого мышинового цвета. Она сразу же чем-то напомнила Ванятке обмундирование его друзей – поморских дружинников. На груди у преследователей красовался довольно большой то ли бархатный, то ли еще какой треугольный щит синего цвета с вышитым на нем серебряными нитями знаком, которого Ванятка из-за дальности, естественно, разглядеть не смог. Вооружение неприятелей напоминало арсенал охотников и состояло из длинноствольных мушкетов, предназначенных для прицельной стрельбы на дальней дистанции, рогатин, и больших ножей. Кроме того, на поясе у каждого висела пара пистолетов.

Пронаблюдав минуту-другую, Ванятка повернулся к Степе, сидевшему на корме челнока и державшемуся за стебли камышей, и молча показал ему десять и еще пять пальцев, а затем, изобразив ладонью собаку, вновь поднял три пальца.

Степа кивнул в ответ, приказал жестами, мол, жди, пока пройдут, скроются из виду. Преследователи продолжили свой путь вдоль берега, и вскоре исчезли за деревьями.

– Что делать будем? – прошептал Ванятка. – Махнем стремглав вдоль правого берега через плес? Он ведь широкий, авось проскочим.

– Нет, – покачал головой Степа. – Сразу за плесом – узкая стремнина. Перестреляют нас там. Они ведь с ружьями?

– Угу, – кивнул Ванятка. – С дальнобойными.

Степа на минуту задумался, затем скомандовал решительно:

– Давай-ка выбираться на берег! За плесом да стремниной речка поворачивает вправо, делает излучину на пять верст. А мы сию излучину по суше, через лес, срежем. По прямой здесь и версты не будет.

Разведчики выбрались на берег, подняли на плечи легкий челнок, предназначенный именно для таких вот перелазов из одного водоема в другой, и быстрым шагом двинулись через смешанный лес с невысоким подлеском. Меньше чем за час они вновь достигли берега реки, и продолжили плавание вниз по течению, уже не опасаясь погони.

Река, принимавшая в себя десятки лесных ручьев, расширялась, становилась все полноводнее. Разведчики по привычке внимательно вглядывались в берега, но внутренне уже расслабились. Здесь, посреди широкой реки, вблизи своих застав, можно было и поговорить, обсудить недавние события. Первым, естественно, не выдержал молодой Ванятка.

– Слышь, Степа, а эти-то, с собаками, которые за нами по лесу гнались, совсем ведь на королевских ратников не похожи. Те войска, коих мы на дороге наблюдали, все сплошь в шелках разноцветных, да в кирасах блестящих, а преследователи наши – все в сером, как мыши. Только на груди синий треугольник с каким-то значком серебряным.

Степа, который при приближении неприятеля удерживал челнок в камышах и посему и не видел гнавшихся за ними людей, при этих словах резко поднял голову и присвистнул от удивления:

– Вервольфы, пи-лядь!

– Ты ж ведь не сквернословишь никогда? – растеряно произнес Ванятка, не ожидавший такой реакции от старшего товарища.

– А я и не сквернословлю, – смущенно усмехнувшись, попытался оправдаться Степан. – Вервольфы – это рыцари немецкие, из остатков какого-то ихнего ордена недобитого. Они как раз разведкой да прочими лихими делами ратными промышляют. Одежда у них серая, а на ней знак – синий бархатный щит, и по щиту серебряными нитями вышит волк на задних лапах с человеческой головой, поскольку вервольф – это по-ихнему волк-оборотень. Так что не мыши они, а волки матерые... Ну, а пи-лядь – это вкусная северная рыба, пелядь. Ее так называет одна моя знакомая английская княгиня.

Ванятка тоже хихикнул в ответ, кивнул согласно, почему-то не удивившись, что у простого русского ратника среди знакомых числится заморская аристократка. Тем более уж кто-кто, а Ванятка-то точно знал, что это было чистой правдой.

– В общем, молодцы мы с тобой, что от таких преследователей живыми-здоровыми оторвались, да от собак невиданных отбились, – продолжил Степа. – Расскажешь потом в своем полку бывалым воинам, что от вервольфов в лесу ушел, так сразу зауважают тебя пуще прежнего.

– Да я и так вроде не на самом плохом счету, – откликнулся Ванятка.

Но по его лицу было видно, что похвала старшего товарища ему приятна.

Они молчали несколько минут, продолжая размеренно гребти веслами, ускоряя и без того быстрый бег влекомого стремниной челнока. Однако вскоре Ванятка, словно вспомнив что-то любопытное, поднял весло и повернулся вполоборота к сидевшему на корме Степану:

– Ты вот, Степа, сказал, что, дескать, рыцари эти – волки матерые. А ведь я, кажись, среди них на берегу видел бабу. Ну, или девку. Только была она, конечно, в мужском платье, таком же, как у них у всех.

Легкий челнок рыскнул вправо, и, чтобы удержать его на стрежне, Степе пришлось несколько раз перекинуть свое весло с борта на борт. Но он не стал упрекать своего молодого друга, за то что тот отвлекся от гребли, а лишь улыбнулся лукаво:

– Тебе по твоему возрасту и должны постоянно девки кругом мерещиться. Как ты на таком расстоянии смог ее в мужской-то одежде распознать?

– Да сам не знаю, – уже без прежней уверенности в голосе растерянно пробормотал Ванятка. – Показалось как-то. Может, отличил по росту да по стану, али по волосам.

– Вот именно: показалось, – кивнул Степан. – А волосы-то эти рыцари себе действительно зачастую длинные отращивают, словно и вправду бабы.

Разведчик сплюнул за борт, выражая свое презрение к рыцарским прическам.

– Ну, коли так, то я, наверное, действительно ошибся, – Ванятка вздохнул, покачал головой и вновь принялся орудовать своим веслом.

Челнок стремительно скользил вниз по течению. Вскоре лес кончился и река вынесла свои воды на обширные поля, за которыми вдаль, на самом горизонте, блестели в лучах заходящего солнца золотые купола многочисленных церквей и соборов великого града Пскова.

Сразу за лесом, на левом берегу реки располагалась полевая застава русского войска. Из-за невысокого тына на речную гладь грозно нацеливались длинные стволы тяжелых затинных пищалей. Хотя застава была знакомой и разведчиков на ней хорошо знали, все равно в их сторону прозвучал суровый окрик:

– Эй, на челне! Кто такие? Огласите пропуск!

Степа направил челн поближе к берегу, чтобы не орать тайные слова пропуска на всю округу.

– Николай Угодник и Святой князь Александр! – отчетливо произнес он и затем добавил: – Здровы будьте, затинщики!

– И вам доброго здравия, разведчики! Тут с утра во Пскове осадный колокол гудел. Небось, вы весть подали?

– Мы. Королевское войско уже близко. Так что держите ухо востро: по лесу вервольфы падают.

– Вон оно как! Спасибо, разведчики. Будем вдвойне внимательны.

Степа с Ваняткой попрощались с заставой, вновь направили челнок на стрежень. Примерно через час они выплыли из притока на широкую вольную гладь реки Великой и вскоре достигли Пантелеймонова монастыря. Закат тревожными рубиновыми всполохами, словно языками пламени, играл на белых монастырских стенах. У разведчиков невольно сжались сердца от тревожных предчувствий. Но тут торжественно и величаво зазвонили колокола

собора, и этот проникновенный и благодатный звон заполнил душу, мягко погасил возникшее смутение. Степа и Ванятка скинули шапки, перекрестились и вновь с удвоенной силой налегли на весла.

– Давай, Ванятка, греби шибче! – подбодрил товарища Степан, вглядываясь вперед, туда, где в пяти верстах вниз по реке угадывалась панорама большого города. – До полуночи должны успеть. А то опустят решетку, топай потом в обход пешком до княжеских палат. Воеводы-то, небось, донесения нашего с нетерпением ждут.

Они успели. Огласив пропуск караулу, уже приготовившемуся перегораживать тяжелой кованой решеткой устье реки Псковы, протекающей через город и впадающей в Великую, разведчики свернули в Пскову. Они проплыли между двумя крепостными башнями под соединяющим их мостом, и, гребя из последних сил против течения, вскоре причалили возле самых княжеских палат.

Миновав железную калитку в крепостной стене, охраняемую двумя часовыми, Степа и Ванятка бегом пересекли неширокий мощный брусчаткой двор и поднялись по каменным ступеням на крыльцо, где их уже поджидал, нервно расхаживая взад-вперед, стремянный большого воеводы, князя Ивана Шуйского.

– Ну, наконец-то! – воскликнул стремянный при виде разведчиков. – Давайте-ка потопитесь к воеводе!

И, забыв о своем высоком чине, собственноручно распахнул дверь перед рядовыми ратниками, пропустил их вперед. Степа и Ванятка с разгону вбежали внутрь, забыв даже поприветствовать стремянного, перед которым в другое время они стояли бы навытяжку. Тот, естественно, не обратил ни малейшего внимания на нарушение субординации и бодрой рысцей кинулся вслед за долгожданными разведчиками вверх по внутренней лесенке, ведущей в совещательную палату.

В обширной палате с низким сводчатым потолком, ярко освещенной множеством свечей, за широким дубовым столом сидело больше десятка людей – воинских начальников, возглавлявших гарнизон Пскова. Один из них, князь Иван Петрович Шуйский, при виде буквально ворвавшихся в палату запыхавшихся разведчиков, поднялся из-за стола и без лишних слов коротко приказал:

– Докладывайте!

Степа, остановившийся было в дверях, сделал три шага вперед, и, стараясь успокоить сбившееся дыхание, принялся излагать самую суть из того, что им довелось наблюдать ранним утром на большой дороге. Воеводы слушали его не перебивая. Когда разведчик закончил доклад, в совещательной палате повисла напряженная тишина.

– Значит, по вашим оценкам, их около ста тысяч? – нарушив, наконец, продолжительное молчание, задумчиво переспросил князь Шуйский.

– Так точно, воевода, – без малейших колебаний подтвердил Степан.

– А нас – едва пятнадцать, вместе со стрельцами, детьми боярскими, городовыми казаками, да затынщиками из ремесленников, – произнес вполголоса кто-то из членов военного совета.

Князь Иван резко повернулся к столу.

– Да, нас пятнадцать тысяч, – жестко произнес он. – И свой воинский долг перед государем мы исполним. Есть вопросы к разведчику?

– Да что уж тут неясного? – удрученно произнес тот же боярин, который только что отметил подавляющее превосходство неприятеля над псковским гарнизоном. – Вся Европа, почитай, на нас ополчилась. Сам король польский Стефан Баторий, коего шляхта «непобедимым» нарекла, войско ведет.

– Это не вопрос, князь Василий. Это утверждение, – отрезал Шуйский. – Повторяю: вопросы есть?

Он обвел взглядом бояр и дьяков. Те молчали, вероятно, в душе соглашаясь с князем Василием.

– Разреши, воевода?

Голос, раздавшийся не из-за большого стола, а сбоку, с лавки, стоявшей в полумраке возле стены, показался Степе знакомым. Он повернул голову, и тут же с изумлением узнал человека, поднявшегося со своего места и шагнувшего вперед, на освещенное пространство возле стола. Бояре также дружно повернулись к говорившему.

– Разрешаю, сотник. Задавай свой вопрос, – ласково произнес князь Иван.

Но сотник не сразу смог воспользоваться полученным разрешением. В любом совете, даже в военном, всегда найдется как минимум один записной оратор, высказывающийся чаще и резче всех остальных, вместе взятых. Таковым, очевидно, и был князь Василий Скопин. В Разрядных списках он по знатности рода числился выше Ивана Шуйского. Государь Иван Грозный в последние годы, даже после отмены опричнины, все чаще пренебрегал древними обычаями и ставил людей на высокие воинские должности не по разрядам, а по способностям. Однако прежняя иерархия накрепко засела в душах бояр. Сейчас, когда князь Иван Шуйский был фактически главным псковским воеводой, князь Василий, чувствуя обиду, и не смея, естественно, возроптать на государя, старался при каждом удобном случае уязвить обошедшего его «выскочку».

– С каких это пор, князь Иван, – ядовитым тоном произнес он. – С каких это пор какой-то сотник из затрапезной дружины худородного боярина Ропши смеет присутствовать на совете бояр и государевых дьяков, да еще возвышать свой голос?

– Я лично пригласил его, князь. Сегодня утром он прибыл по моему зову из поморских владений боярина Ропши, проделав длиннейший путь, – спокойно ответил Иван Шуйский. – Сотник не раз сражался в Европе, и хорошо знаком с устройством армий и тактикой действий наших противников.

– Подумаешь, – фыркнул князь Василий. – Мы и сами не лыком шиты, и немцев, и поляков с ливонцами, и прочих рыцарей западных колошматили так-растак!

– Там теперь не рыцари, – холодно возразил Шуйский. – Последних рыцарей французских испанские аркебузиры маркиза Пескары в сражении при Павии всех до единого положили своим огнем. Сквозь новейшие доспехи рыцарские одной пулей двоих били наповал. И в войске короля Стефана, судя по донесению, только что нами услышанному, идут не одни лишь шляхтичи – дворяне польские, а ландскнехты с рейтарами, причем не только из ближних стран. Не знаешь ли, кстати, князь, отчего у аркебузирова испанских скорострельность в два раза выше, чем у всех остальных? Нет? Так вот, сотник-то нам как раз это потом и объяснит. А сейчас пусть спрашивает у разведчика, то, что ему важным кажется.

– Слушаюсь, воевода! – вытянулся сотник в ответ на последние слова князя, прозвучавшие, как приказ, и повернулся к Степе: – Какое в ротах ландскнехтов было соотношение пикинеров и мушкетеров?

Степа чуть замаялся с ответом, продолжая неотрывно, словно не веря своим глазам, смотреть на сотника.

– Тебе понятен вопрос? – доброжелательно переспросил сотник, и тепло, по-свойски улыбнулся разведчику, давая понять, что тоже узнал старого друга.

– Понятен, – наконец, опомнившись, кивнул Степан. – С ландскнехтами, наемной пехотой немецкой, мне в позапрошлом году под Полоцком доводилось биться. Тогда у них на роту копейщиков... пикинеров было всего десятка два стрелков. А сейчас у тех, кого мы на дороге наблюдали, копейщиков и стрельцов с пищалями, то есть мушкетами, в каждой роте было поровну.

– Ты уверен? – переспросил сотник.

– Уверен. Еще сам удивился, когда они мимо шли.

– Ясно, спасибо.

Сотник задал еще несколько уточняющих вопросов о рейтарах – легкой коннице с огнестрельным вооружением, гусарах – тяжелой кавалерии, составлявшей личную гвардию короля, и гайдуках – легковооруженных польских пехотинцах, а также об артиллерии.

– Больше у меня вопросов нет, воевода! – вновь вытянулся по стойке «смирно» сотник, обращаясь князю Шуйскому.

– Вольно, садись! – кивнул ему князь. – А ты, разведчик, и твой товарищ, идите, отдыхайте. Вот, возьмите от меня в награду за геройскую службу и ценные сведения!

Он достал из красивого кожаного кошелька, висевшего у него на поясе, две больших серебряных монеты с изображением Святого Георгия на коне, пронзающего копьём змея, и протянул Степану.

– Стремянный, накорми да напои разведчиков от моего стола! – добавил Шуйский. – Ну, ступайте, герои!

Степа поклонился воеводе в знак благодарности по-военному четким наклоном головы, повернулся на каблуках и вышел из совещательной палаты.

– Подождите пока внизу, на крыльце! – шепнул ему на ходу стремянный, и поспешил куда-то вбок по коридору.

Ванятка, который почему-то так и не вошел в помещение, а все время доклада скромно простоял в дверях, последовал за Степой вниз по лестнице, ведущей на крыльцо. Выйдя наружу из воеводских палат, Степа остановился под масляным светильником, повернулся к другу, протянул ему монету:

– На, держи награду! Слышал, как нас сам воевода прилюдно героями назвал? То-то! Можно попросить умельцев к этой монете ушко припаять, да носить ее на шее, на ремешке или на ленточке, как многие заслуженные ратники такие вот награды носят. Только скажи мне, герой, почто ты в палату-то вместе со мной не зашел? Застеснялся, что ли? Стремянный же нас обоих приглашал. Хотя я и старший в разведке, но ты ведь тоже мог бы мой доклад своими наблюдениями дополнить и при этом вперед выступить, чтобы и тебя бояре заметили.

– Вот этого-то я как раз и не хотел делать, – горько усмехнулся Ванятка. – Довелось мне однажды боярам в Разрядном приказе важные сведения разведки доложить... Ну, да про то мне лучше не вспоминать, а тебе – не знать.

И он исподволь покосился на стоявшего неподалеку от них часового.

– Вон оно как... – озадаченно протянул Степан, но, довольный наградой и похвалой воеводы, все же не удержался и перешел на шуточный тон: – Сам ты, значит, опаску взял, а меня одного пред грозные очи боярские спровадил?

Ванятка угрюмо потупился, не зная, что сказать в ответ.

– Да ладно, друг! Не кручинься! Это ж я шучу на радостях. Представляешь, я ведь старого друга там, в палате встретил!

– Поморского дружинника? – поднял голову Ванятка, и голос его потеплел, оживился.

– Точно! А ты ведь с поморами тоже в свое время дружбу водил?

– Ага. Они-то меня тогда, когда бояре Разрядного приказа... Ну, в общем, жизнь мне спасли. И с эти дружинником я тоже встречался по дороге, он в их отряде был начальником. Но как его зовут – не знаю.

– Его зовут Разик.

Тут на крыльце появился толстый и важный княжеский слуга, посланный стремянным, и предложил разведчикам следовать за ним в поварню.

Когда разведчики покинули совещательную палату, бояре и дьяки некоторое время сидели молча, обдумывая услышанное. Сам воевода тоже молчал, размышляя, и мерно расхаживал перед столом. Наконец, он остановился, поднял голову:

– Ну что ж, бояре, высказывайтесь, как кто мыслит град наш от врага оборонять!

Бояре по привычке дружно повернули головы в сторону записного оратора, князя Василия. Тот, естественно, за словом в карман не полез, и промолвил желчно:

– Ты, князь Иван, только что этого сотника нахваливал, который тут поперед нас, бояр, вылез, да и начал умничать, мудреные вопросы задавать, слова произносить, каковые мы и слыхом не слыхивали. Вот пушай он теперь нам, сырым, и растолкует, что за сила такая невиданная на нас движется, да как эту силу одолеть.

– Хорошо, князь Василий, раз ты настаиваешь – то дадим слово сотнику, – с чуть заметной иронией в голосе охотно согласился с непримиримым оппонентом Шуйский. – Разик, ступай сюда, выскажи военному совету свои соображения о неприятеле.

Разик вновь вышел из своего темного угла на середину палаты, повернулся к столу:

– На нас идет войско, устроенное и вооруженное по последнему слову военного искусства. Основу его составляют наемные пехотинцы-ландскнехты и конники-рейтары, очевидно, со всей Европы, включая Шотландию. Это уже не просто умелые индивидуальные воины. Они представляют собой сомкнутые тактические единицы, и приучены к тому, чтобы обретать свою силу именно в этой сомкнутости и сплоченности. Взаимодействие мушкетеров и пикинеров в промежутках между залпами требует большой и тщательной выучки. Но при правильных согласованных действиях они способны разгромить или отбить многократно превосходящие силы неприятеля. Кроме внешней, строевой сплоченности, у наемников существует и сплоченность внутренняя – новый дух военных ремесленников, продающих свое умение за деньги и желающих продаваться по как можно более высокой цене. На эту цену влияет их военная слава, которую они не хотят утратить, потерпев поражение. Именно это новое своеобразное понятие о воинской чести, подкрепленное материальными выгодами и корыстью, заставляет их держаться друг за друга и совершать удивительные подвиги. В Европе их называют профессионалами, то есть хорошими умельцами, и еще регулярной армией. «Регулярный» в переводе означает «правильный». Они имеют огромное, подавляющее преимущество перед нашим дворянским ополчением.

– Но ведь у нас тоже есть, как ты выражаешься, новые военные ремесленники – стрельцы! – воскликнул один из членов совета, князь Андрей Хворостинин – Они постоянно упражняются строю и стрельбе!

– Да, конечно, – кивнул Разик. – Стрельцы – это уже тоже регулярная армия. Но их линейная тактика и имеющееся вооружение устарели. Я уточнил у Степы... у разведчика, каково соотношение пикинеров и мушкетеров в ротах ландскнехтов. Он твердо ответил, что теперь их поровну. Это может означать только лишь одно: они повысили скорость стрельбы, то есть уменьшили промежутки между залпами, и теперь им требуется меньше копейщиков для прикрытия.

– За счет чего же, по твоему мнению, они повысили темп стрельбы? – со знанием дела поинтересовался дьяк государева Пушечного приказа Терентий Лихачев.

– Очевидно, ландскнехты короля Батория переняли у испанцев новоизобретенный теми недавно бумажный патрон.

– Что это за партон... или патрон? – удивился дьяк. – Я о таком и не слыхивал.

Разик расстегнул висевший у него на чересплечном ремне кожаный подсумок, и все присутствующие увидели, что подсумок заполнен двумя рядами сероватых колбасок размером и толщиной примерно в большой палец, всунутых в широкие петельки. Достав одну из колбасок, Разик продемонстрировал ее присутствующим:

– Вот это и есть патрон. В эту бумагу помещается отмеренный заряд пороха и пуля. Верх патрон скусывается, и вначале на полку насыпается натруска.

Сопровождая свои слова действиями, Разик вынул из-за пояса пистоль, скусил патрон, приоткрыв крышку полки, насыпал на нее натруску.

– Затем основной заряд высыпают в ствол. Из бумаги достают пулю, саму бумагу комкают и используют в качестве пыжа, а затем уже забивают пулю в ствол.

Ловко проделав все перечисленные манипуляции, Разик положил заряженный пистоль на стол перед членами военного совета. Те потрясенно молчали. Им, опытным воинам, еще ни разу не доводилось видеть, чтобы огнестрельное оружие заряжалось с такой скоростью.

– А у наших стрельцов на чересплечных ремнях-берендейках отдельно висят зарядцы с порохом, рог-натруска для воспламенителя и мешочек с пулями да пыжами, – удрученно покачал головой дьяк Терентий Лихачев – Пока они возьмут да используют то, другое и третье... А наш-то Пушечный приказ изобретением сих берендеек до сих пор гордится!

– Так надо срочно эти самые патроны изготавливать и нашим ратникам раздавать! – воскликнул воевода Никита Очин-Плещеев.

Дьяк печально покачал головой:

– А бумаги-то где столько взять? Мы ведь ее сами пока производить не умеем, из-за границы везем в малых количествах, чтобы грамоты писать, да книги священные печатать. Даже и на это не хватает. Мне как-то приятель мой, дьяк Посольского приказа, за чаркой на недостаток бумаги жаловался: дескать, до сих пор писарям пергамент использовать приходится, а он и дорогой, и неудобный. И еще сей приятель недоумевал: почему это немцы жмутся, бумагу нам не хотят продавать? Теперь понятно: товар двойного назначения, может быть использован для военных целей.

– Ладно, пещцы королевские наших превосходят, – с досадой пристукнул кулаком по столу князь Андрей Хворостинин. – А неужто и конница наша, воспитанная на многовековых битвах с ордынцами – лучшими в мире наездниками – хоть в чем-то может европейским всадникам уступить? Как ты, сотник, всадников-то этих немецким словом назвал?

– Рейтары.

– Вот-вот, рейтары. Ну и что ты про них скажешь?

– Скажу, что они, как и ландскнехты, сильны не личной отвагой каждого бойца, а изощренной тактикой совместных действий. Их основной прием называется «караколь», сиречь улитка.

– Как это: улитка? – почти хором удивленно произнесли все присутствующие, впервые услышавшие этот новейший термин.

– При сближении с неприятелем, причем как с пехотой, так и с конницей, первая шеренга рейтар дает залп из пистолей, и тут же уходит в сторону, загибая фланг, и освобождает тем самым линию огня для второй шеренги. Затем первая шеренга, продолжая загибать фланг, описывает круг и становится последней. Перестраиваясь, они на скаку перезаряжают пистолы. Вторая шеренга, отстрелявшись, повторяет тот же маневр. Если начертать движение рейтар на плане, получаются завитки, подобные раковине улитки. Отсюда и караколь. Непрерывный ураганный огонь буквально выкашивает ряды противника и не дает ему возможности атаковать рейтар. Как доложил разведчик, у идущей на нас королевской конницы нет пик. Значит, они намерены использовать караколь в качестве основного тактического приема.

– Очень сложный маневр, – покачал головой князь Шуйский. – Требуется многих месяцев упорных упражнений.

– Совершенно верно, – подтвердил Разик. – Профессиональные наемники именно тем и отличаются от дворянского ополчения, что упражняются день и ночь. У кого лучше выучка, тому больше платят. Ну, и у тех, кто находится в рядах более сплоченного и умелого отряда, конечно же, больше возможностей сохранить свою жизнь в бою. К тому же, поскольку готовить нового бойца взамен выбывшего – дело непростое и весьма долгое, они берегут и поддерживают друг друга.

– Ну, и зачем нам все это выслушивать? – вновь возвысил голос князь Василий. – Мы же в крепости от них отбиваться будем! Плевать нам на все эти их улитки с высокой колокольни!

– Сидеть в осаде без вылазок, без полевых сражений – значит отдаться на волю неприятеля, предоставить ему полную свободу действий. Тем самым мы заранее обречем себя на поражение, князь! – резко прервал его речь Иван Шуйский, и вновь обратился к Разику. – Так что же получается, сотник, мы перед ними никаких преимуществ не имеем? Ну, хоть в чем-то?

– Все же стены крепостные нам немалое преимущество дают, воевода! – продолжал настаивать на своем князь Василий.

– Отвечай, сотник! – проигнорировав реплику резонера, приказал Шуйский.

Однако Разик, то ли не вполне поняв воеводу, то ли желая подчеркнуть важное обстоятельство, ответил именно на возражение князя Василия Скопина:

– Стены-то псковские давным-давно возведенные, рассчитаны были на то, чтобы деревянным катапультам да таранам противостоять. Камень в них мягкий, известняк. Огня осадной артиллерии эти стены не выдержат, разрушатся в короткий срок.

– Ну, спасибо, вновь утешил, – невесело усмехнулся князь Шуйский. – Я ж тебя про наши преимущества спрашиваю. Или нет таковых?

– Есть, – твердо ответил Разик. – Во-первых, мы – русские люди, и отражаем врага на своей земле. Родная земля нам силу дает, и немалую. Ну, а во-вторых, как бы ни кичились государства европейские своими достижениями в военном деле и вооружении, есть одна область ремесла ратного, в которой мы их превосходим существенно. Артиллерия у нас много лучше, чем во всем остальном мире.

– Это правда, Терентий? – требовательно повернулся к дьяку Пушечного приказа князь Шуйский.

– Я с самыми последними новинками европейскими, конечно, не знаком, – медленно, словно взвешивая каждое слово, промолвил дьяк. – Однако, если с тем, о чем мне доподлинно известно сравнивать, наша артиллерия действительно мощнее вражеской. Но коль сотник, который столь прекрасно о новейшем вооружении наших противников осведомлен, утверждает, что наши пушки по-прежнему своего превосходства не утратили, то, я, естественно, ему возражать не стану.

– Не утратили, – без колебаний подтвердил Разик. – Более того, я-то по зову воеводы князя Шуйского из северных вотчин нашего боярина Ропши налегке поспешил примчаться, на быстроходной лодке парусной. А вслед за мной по рекам да озерам идет еще десяток судов, тяжело нагруженных. На судах этих – бойцы нашей дружины с новейшими образцами пушек, в которых важнейшие изобретения использованы, доселе никому неизвестные. Здесь, во Пскове, где пушечный двор своими умельцами уже, почитай, полвека славится, мы все эти изобретения проверим да используем. На неприятеле проверим. Лишь бы ядер да пороху хватило.

– За это не беспокойся! – заверил его князь Шуйский. – Стараниями Терентия Лихачева, дьяка Пушечного приказа, к нам во Псков за последние месяцы столько огнестрельного припасу завезли, что на два года непрерывной пальбы хватит!

– Замечательно! – обрадовался Разик. – В таком случае, король Стефан Баторий свое прозвище «непобедимый» здесь, под стенами псковскими и оставит навсегда.

– Но что же нам со стенами делать, которые, по твоему же утверждению, огня осадной артиллерии не выдержат?

– Есть у меня... Вернее не у меня, а у инженеров, то есть розмыслов нашей дружины, кои все новейшие достижения строительства крепостей постигли, одно предложение, касаемое укрепления Пскова. Завтра, надеюсь, они сюда с караваном судов прибудут и доложат вам подробности.

– А не поздно ли будет? Неприятель уже под самыми стенами! Неужто у него на глазах со строительством укреплений справимся?

– Именно это и предусмотрено нашим замыслом, воевода! Неприятель ни о чем и не догадается.

– Ну, ладно, сотник! Коли так, то помогай нам Бог! – князь Шуйский перекрестился на иконы в красном углу.

Все присутствующие встали, последовали его примеру. Князь объявил военный совет оконченным.

– А ты, сотник, завтра утром встречай своих дружинников, и сразу же отправляйся ко мне вместе с розмыслами.

– Слушаюсь, воевода! – вытянулся Разик.

Выйдя вслед за боярами из совещательной палаты, сотник поморской дружины задержался возле лестницы, ведущей вниз, поджидая стремянного, провожавшего членов военного совета до крыльца. Вскоре стремянный вернулся и собрался было войти в совещательную палату, чтобы получить распоряжения князя, но Разик задержал его, положив руку на плечо:

– Сделай милость, скажи-ка мне, куда направились разведчики? Это мои старые друзья, я хотел бы с ними поздороваться.

Стремянный охотно объяснил сотнику, которому явно благоволил воевода князь Шуйский, как пройти в людскую трапезную возле поварни, где ужинали разведчики.

– Вели поварам от моего имени и тебе стол накрыть! – великодушно разрешил он.

Разик поблагодарил стремянного и направился в поварню.

Степа с Ваняткой, сняв оружие и амуницию, сидели в маленькой трапезной на широкой скамье за простым сосновым столом без скатерти. Но столешница была выскоблена до блеска и уставлена таким количеством яств и напитков, какое могло бы сделать честь любому купцу или даже дворянину. Разведчики уже утолили голод и жажду и теперь отдыхали, привалившись спинами к стене. Лишь время от времени они не спеша вновь наклонялись к столу, чтобы взять с блюд еще один вкусенький кусочек, или сделать глоток ароматного сбитня из расписного деревянного ковшика.

Проходя через поварню, Разик передал поварам приказание стремянного и вошел в трапезную.

– Здравствуй Степа, страж московский! И ты здоров будь, пограничник! Тебя ведь, кажется, Ваняткой звать? Хлеб вам да соль!

Степа вскочил из-за стола, широко раскрыв объятия, бросился к другу. Ванятка тоже поднялся, но остался стоять на месте, чуть засмутившись, не решаясь так вот запросто обняться с высокопоставленным воинским начальником, которого он до сего дня и видел-то всего один раз. Разик, обнявшись со Степой, протянул руку молодому пограничнику, обменялся с ним крепким рукопожатием. Они уселись, Степа налил всем крепкого меда.

– Ну, братцы, рад видеть вас вновь живыми да здоровыми! – от всей души произнес Разик.

Они дружно чокнулись деревянными чарками, выпили до дна.

– Теперь рассказывайте, что да как, – первым, по праву старшего по званию, задал вопрос сотник.

– Да вот, вновь мы с Ваняткой в рати, – слегка развел руками Степан. – Как встретились под Москвой, в набег Девлет-Гирея, так с тех пор, почитай, и не расстаемся. Я ж тогда из Кремля, где мы с вами Большие ворота от внешнего и внутреннего врага отстояли, на другой день в свое ополчение монастырское вернулся. Да только из всего ополчения в той битве один Ванятка и уцелел. Ну, князь Михайло Воротынский взял нас в свою дружину, да ударили мы орде вдогон. Конечно, одним полком княжеским мы их одолеть-то не смогли, но многих пленных тогда отбить удалось. Но зато, как ты знаешь, на следующий год, при Молодях князь Воротынский окончательно хана разбил, да так, что с тех пор вот уже который год ни одного крупного набега на южный рубеж не было!

– Знаю, – голос Разика внезапно утратил веселость, зазвучал сурово и глухо. – Наша дружина в той битве при Молодях тоже участвовала. Князь Михаил нас просил тогда под фланговый удар подставиться, чтобы отборные тумены ханские, нукеров да янычаров на себя выманить и боем связать, пока он обход подготовит.

Сотник замолчал, налил себе еще одну чарку, выпил, ни с кем не чокаясь, затем произнес, опустив голову:

– Две трети дружины нашей там легло. Из моего бывшего десятка только Желток с Михасем в живых остались.

– И Кашка погиб? – дрогнувшим голосом спросил Ванятка.

– Пал смертью храбрых.

Степа тоже налил мед себе и Ванятке, встал, произнес торжественно:

– Вечная слава героям!

Осушив чарку, он сел, затем добавил:

– Мы ведь с Ваняткой тоже там были. Но хана встретили не при самих Молодях, а ранее, на Сенькином броду. Были оба изранены, и посему в главной битве не участвовали.

– Слышал про Сенькин брод, – кивнул Разик. – Сколько ж вас там было против всей орды? Говорили, что три сотни.

– Все верно, – подтвердил Степа. – Триста казаков, пограничников, да детей боярских... Я ведь тогда, после похода с князем Воротынским, в Москву вернулся, чтобы брата с матерью разыскать. Старые товарищи, стражники московские мне помочь пытались. Да где там! Сгорела дотла вся столица, кроме Кремля. И народу погибло в числе, доселе неслыханном. Сказывают, что восемьсот тысяч, вместе с беженцами и ратниками. Ну, мне в Москве, на пепелище оставаться было невмочь, вот и подался я вновь на Оку-реку, к Ванятке в сторожевую станицу, поступил в государеву пограничную службу... Вот так и попали мы на тот самый Сенькин брод... А потом, когда князь Михаил орду разгромил и большие набеги закончились, принялись воеводы наши набирать в станицах охотников на войну в Ливонии. Ванятка сперва не захотел из родных краев уходить, а я так сразу отправился, поскольку на Засечной черте уже и сражаться-то было не с кем. Я сперва в Полоцке был, а потом, когда король Стефан Баторий город взял, отступили мы, кто прорваться сумел, сюда под Псков. Здесь вновь с Ваняткой встретился. Видать, и ему наскучило на Оке-реке без дела сидеть. Верно, друг?

Ванятка кивнул чуть смущенно, словно стесняясь своего поступка.

– Вы – настоящие ратники. На таких Русь испокон веку и держится, – Разик подняв голову, выпрямился, словно стряхивая с себя груз печальных мыслей и тяжелых воспоминаний.

– А Михась с Желтком, говоришь, слава Богу, живы? – переводя тему беседы со своей персоны на друзей, переспросил сотника Степа.

– Слава Богу, живы-здоровы! – подтвердил Разик и осенил себя крестным знаменем. – Да ты скоро и сам их увидишь. Надеюсь, что завтра на рассвете придут они во Псков на судах.

– Вот это славно! – воскликнул Степан. – Слышь, Ванятка, мои лучшие друзья будут с нами Псков защищать! Ну, король польский, собьем мы уже с тебя спесь!

И он погрозил кулаком в пространство, туда, где в полутора дневных переходах с отборным войском со всей Европы шел завоевывать русские города увенчанный ореолом непобедимости король Стефан.

– Господин сотник, – наконец, решил задать давно уже вертевшийся на языке вопрос Ванятка. – А могу я узнать еще про двух дружинников, Лося и Фрола, живы ли они да здоровы?

– Весной оба были живы-здоровы. А потом я с ними не виделся. В походе они, на дальних рубежах, – не вдаваясь в подробности, ответил Разик, и, видя, что молодой ратник хочет спросить еще о чем-то, но стесняется, ласково поощрил его: – Не робей, ратник, расспрашивай обо всех друзьях-товарищах. Расскажу тебе о них с удовольствием.

Ванятка кивнул торопливо, и, собравшись с духом, произнес, запинаясь, опустив глаза:

– А вот была еще в дружине ваша женщина... девушка... ну, то есть, княжна заморская... Она мне жизнь спасла! – торопливо выпалил он, словно бы оправдываясь в своем неуместном любопытстве.

– Леди Джоана? – улыбнулся Разик. – С ней все в порядке. Она – жена Михася. У них двойня: мальчик и девочка.

Слава Богу! – обрадовано воскликнул Ванятка, перекрестился, а потом почему-то вздохнул печально.

– Слушай, Разик, а как поживает Михасева сестренка, Катерина? – поинтересовался судьбой еще одной своей старой знакомой Степа. – Небось, тоже замужем, деток нарожала?

– Нет, не замужем, – после короткой заминки ответил Разик, и в его голосе почему-то прозвучали грустные нотки.

– Неужто все воюет? Вот боевая девка! – восхищенно произнес Степан. – Мне, что ли, к ней посвататься?

Разик отвел глаза, промолчал.

– Ладно, братцы, – произнес наконец сотник после затянувшейся неловкой паузы. – Вы идите, отдыхайте, а то уж за полночь. И мне вскоре пора на пристань идти, своих дружинников встречать. Успеем еще наговориться.

Они покинули трапезную, вышли на крыльцо. Степа и Ванятка, сердечно попрощавшись с сотником, направились к себе в полк. Разик хотел было подняться в отведенные ему покои княжеского дворца, но, взглянув на небо, понял, что рассвет уже близок, и решил идти на пристань. Пристань, вернее, небольшой причал для почетных гостей и важных гонцов, находился рядом с княжескими палатами, в месте слияния реки Великой и реки Псковы, под стеной псковского кремля, именуемого горожанами Кромом.

К причалу вела небольшая калитка в крепостной стене, охраняемая ночью двумя часовыми. Назвав пропуск, Разик вышел из Крома к реке и принялся расхаживать взад-вперед вдоль края невысокого берегового обрыва. На душе у него было как никогда сумрачно и тоскливо. Но тоска эта была вызвана отнюдь не мыслями о предстоящей тяжелой битве с лучшим войском Европы. Разик, воспитанный в дружине тайного Лесного Стана, основанного три века назад по указу великого князя Александра Невского, не трепетал в преддверии войн и сражений. Ратное дело сызмальства было главным смыслом, а защита Родины – высшей целью всей его жизни. Печаль Разика имела личные причины. Он был, несомненно, хорош собой, усерден и удачлив в службе. Быстро поднявшись по ступенькам военной иерархии, Разик дослужился до сотника и сейчас фактически исполнял обязанности тысяцкого, возглавив отряд, выступивший из Лесного Стана для обороны Пскова. Конечно, в отряде насчитывалось едва полторы сотни бойцов, но это были все силы, которыми располагала их дружина, понесшая страшные потери в исторической битве при Молодах. В Лесном Стане для охраны и обороны остались только мальчишки из учебных десятков, не получившие еще звания леших, то есть строевых дружинников, и седые ветераны, давно вышедшие в отставку по состоянию здоровья. Поэтому Разик, командовавший основными силами Лесного Стана, был близок к званию не только тысяцкого, но и воеводы. И, конечно же, на него, красивого и мужественного, заслуженно окруженного почестями и уважением, заглядывались все незамужние девицы, мечтая пойти под венец с таким завидным женихом. Все, кроме одной.

Разик остановился, глубоко вздохнул, снял берет, чтобы веявший над рекой прохладный предраассветный ветер остудил его голову. Он в сотысячный раз задавал себе один и тот же вопрос: почему Катерина не отвечает взаимностью на его искреннюю любовь? Многие годы девушка словно не замечает его чувств. Конечно, она выказывает ему дружеское расположение, но ровно в той же мере, что и многим дружинникам Лесного Стана. А для него она – единственная в мире. Его закадычный друг, брат Катеньки Михась уже давно женился, и у него есть дети. А он, Разик, все ждет, трепетно и робко, словно отрок, когда же Катенька соизволит

наконец обратить на него внимание. Разик несколько раз пытался открыться ей, хотя, конечно, она и так наверняка все знала и понимала, и просить ее руки. Но Катерина деликатно, но твердо избегала серьезного объяснения. Для бойца особой сотни, каковым, собственно, и являлась девушка, такой маневр не представлял ни малейшей трудности. Слава Богу, что, отвергая ухаживания Разика, она хотя бы не оказывала предпочтения никому другому. Это позволяло ему теплить в своем сердце надежду, что та ледяная стена, которой девушка окружила себя по непонятной причине, в конце концов все же растает. Разик готов был на любой подвиг, чтобы растопить эту стену. Хотя какие еще нужны подвиги человеку, заслужившему в сравнительно молодые годы звание сотника дружины Лесного Стана? Очевидно, что личных боевых заслугах с ним мало кто мог бы сравниться. И Разик, не просто отважный, но еще и очень образованный, умный и талантливый командир, способный мгновенно и эффективно решать сложнейшие задачи управления войсками не в тишине совещательной палаты, а под огнем неприятеля, чувствовал свое полное бессилие, когда пытался понять: что нужно женщине, Катерине, чтобы полюбить его? Впрочем, не один Разик не мог разгадать эту загадку. Его лучший друг, Михась, с которым он откровенно делился своими переживаниями, тоже никак не мог понять поведения родной сестры, и не раз восклицал в отчаянии: «Ну какого рожна ей надо?!». Михась время от времени пытался прояснить этот вопрос через свою жену, Джоану, лучшую задушевную подругу Катерины, но пользы от этого не было никакой, поскольку объяснения Джоаны лишь еще больше сбивали с толку и самого Михася, и Разика. В общем, Разику оставалось только ждать и надеяться, что он и делал вот уже столько лет. Но последний год был для него особенно тяжелым, поскольку прошлым летом Катерина покинула Лесной Стан и отправилась в неизвестном направлении выполнять очередное секретное задание. Горечь разлуки и неизвестность разрывали сердце Разика. Время от времени начальник особой сотни, дьякон Кирилл, передавал Михасю приветы от сестры. Михась тут же бежал к Разику, сообщал, что с Катенькой все в порядке. Разик успокаивался ненадолго, затем вновь тревога и беспокойство овладевали им.

Разик поднял глаза к небу, уже начавшему розоветь на востоке, и некоторое время смотрел на яркую точку Венеры, такую прекрасную, но такую безумно далекую, холодную и недоступную. Сотник перевел взгляд на реку, и увидел вдали едва различимые сквозь предрасветную дымку призрачные очертания знакомых парусов. По реке Великой поднимался из Псковского озера караван судов дружины Лесного Стана. Разик тряхнул головой, словно отгоняя все посторонние мысли, надел берет, машинальными привычными жестами поправил обмундирование и амуницию и легким стремительным шагом двинулся на пристань встречать своих бойцов.

Два судна изумительно ловко сходу отшвартовались у причала, мягко и почти бесшумно притершись к нему невысокими бортами. Остальные бросили якоря, ожидая своей очереди, чтобы встать под разгрузку. С носа первого судна на причал спрыгнул Михась и поспешил с докладом к своему командиру. Разик принял рапорт, обнял друга:

- Молодцы, быстро дошли! А где Желток?
- Пока на якоре, – Михась указал рукой на судно, замыкающее кильватерную колонну.
- Сам будешь командовать разгрузкой?
- Нет, возглавить разгрузку я поручил Олеже, у него лучше получится.
- Хорошо, – согласно кивнул Разик. – Пусть командует Олежа. Пойдем, пройдемся.

Он повернулся и пошел вдоль берега, к Крому. Михась последовал за своим другом и командиром, и хотел было задать ему важный вопрос: далеко ли неприятель, и сколько у их дружины имеется в запасе времени для развертывания и рекогносцировки предстоящего театра военных действий. Однако, как только они обогнули угловую башню, Михась увидел на юго-западе по всему горизонту всполохи далекого пламени больших пожаров. Дружиннику все стало ясно. Это пылали окрестные села, жители которых ушли в Псков и сами подожгли свои

жилища, чтобы они не достались приближающемуся неприятелю. Так поступали русские люди испокон веку. «Если осада продлится до зимы, то королевское войско, привыкшее к совсем другой войне в европейских странах, будет нести потери не только от наших снарядов, но от холода и голода!» – зло усмехнулся про себя Михась.

Отойдя от причала, на котором уже звучали команды, скрипели тали, стучали катки под тяжелыми орудийными стволами и лафетами, Разик остановился, повернулся к Михасю.

– Как там, в Лесном Стане? – голос Разика звучал излишне бодро, словно ответ был очевидным и благоприятным.

Михась, слегка озадаченный тоном вопроса, повернул голову, бросил на друга и командира недоуменный взгляд. В глазах Разика он прочитал затаенную, почти детскую надежду на чудо, которое могло произойти за тот короткий промежуток времени, когда Разик уже покинул Стан, а Михась с товарищами еще готовились к отплытию в Псков. И Михась внезапно осознал, как неизмеримо устал его друг от того тяжелейшего бремени ответственности, которое недавно легло на его плечи, когда Разик по сути дела стал воеводой дружины Лесного Стана. Михась вздохнул, покачал головой:

– Положение в Стане сложное, почти критическое. Ни один из наших отрядов до сих пор не вернулся ни из-под Астрахани, ни из-под Новгорода. В боевом охранении и в караулах – одни мальчишки из учебной сотни... А от Катерины вестей тоже пока не поступало.

Разик чуть заметно ссутулился, отвел глаза, некоторое время смотрел в сторону, туда, где в сгустившейся предрассветной темноте смутно вырисовывались обветшалые крепостные стены Пскова. Затем он подчеркнуто выпрямился, расправил плечи, и, чуть опережая Михася, зашагал, как всегда, твердо и размашисто ко входу в Кром.

Однако не успел Разик достигнуть выходящей на берег кремлевской калитки, охраняемой парным караулом стрельцов, как его окликнули, причем не по званию, а по имени. Сотник резко остановился, грозно нахмурил брови, нарочито медленно повернулся к нарушителю субординации. От берега с места разгрузки кораблей леших вдогонку за Разиком и Михасем спешил человек, одетый в европейское платье: роскошный трехцветный бархатный колет и шелковые кюлоты. На его голове красовалась широкополая шляпа с плюмажем, а за плечами развевался широкий плащ. Когда щеголь приблизился, Разик, конечно же, сразу его узнал, несмотря на весь этот маскарад:

– Здорово, Фрол! – воскликнул обрадованный сотник, не ожидавший встретить в пришедшем отряде одного из лучших особников Лесного Стана.

– Здравия желаю, командир, – приветствовал его по-английски Фрол, и в ответ на несколько недоуменный взгляд Разика, объяснил свой весьма странный наряд. – Едва я приехал из-за моря в Лесной Стан, как увидел, что Михась с флотилией в Псков отчаливает. Я даже переодеться не успел, лишь с корабля на корабль перепрыгнул. Если не возражаешь, то я некоторое время буду нарушать форму одежды нашей дружины, пока мне запасной комплект не подберут. А то во время плаванья по рекам и озерам несподручно было тюки с обмундированием распаковывать.

– Хорошо, брат особник, не возражаю! – усмехнулся Разик.

Он прекрасно понимал, что у бойцов особой сотни Лесного Стана, занимавшихся разведкой и контрразведкой, имеются не описанные в уставе привилегии.

– Позволь еще один вопрос, брат сотник. Это самый короткий путь на княжеский двор? – Фрол указал рукой на калитку в стене.

– Так точно, – кивнул Разик.

– Тогда я прошу тебя провести нас длинной дорогой, хочу город посмотреть.

– Что, в этой одежде? – слегка удивился Разик – Ты ж в ней будешь похож на польского шпиона!

– Так уж прям и шпиона! Ну и что ж с того? Вы ж меня не арестуете? – усмехнулся Фрол, но затем перешел на серьезный тон. – Впрочем, я все же надвину шляпу на глаза, да лицо плащом закрою, чтобы не опознали меня потом ненароком. Мне такая слава ни к чему.

Разик согласно кивнул и резко повернул вправо, к пристанским воротам. Для того чтобы прийти на княжеский двор таким путем, нужно было прошагать через полгорода. Фрол и Михась последовали за своим командиром. Когда они дошли до княжеских палат, Разик указал Михасю место во дворе, где следовало разместить отряд леших и орудия. Михась, уточнив, как проследовать к пункту новой дислокации коротким маршрутом, повернулся и побежал обратно на пристань.

– Я – на доклад к воеводе. А ты куда отправишься, брат особник?

– Если позволишь, я тоже пойду с тобой, – как ни в чем не бывало, произнес Фрол, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Разик внимательно посмотрел на старого товарища, а затем молча кивнул и первым взбежал на ступеньки высокого крыльца.

На рассвете город уже жил осадной жизнью. Горожане и беженцы, наводнившие дома родственников, монастырские дворы и казенные подворья, распределялись на оборонительные работы. Те из них, кто был знаком с военным делом, вставали в ряды ополчения. Отряды ополченцев формировались на кремлевской площади и затем следовали на отведенные позиции на стенах или к местам дислокации резервов.

Во всей этой бурной деятельности не принимали участие лишь несколько десятков человек: лешие, державшиеся как всегда, особняком, и псковские разведчики, собранные утром со всех полков и находившиеся в личном распоряжении самого воеводы. Дружинники Лесного стана расположились в Кроме, но не на главной площади, а на заднем дворе княжеских палат. Они сидели прямо на траве или на дощатых пешеходных мостках, плотным кольцом окружив привезенные с собой шесть пушек. На дульные части этих орудий почему-то были надеты серые мешки из плотной парусины. Данное обстоятельство вызвало удивление у нескольких бывалых людей, знакомых с пушкарским искусством и проходивших по делам службы мимо отряда дружинников. «Неужто они боятся, что порох в стволах отсыреет? – мимоходом рассуждали знатоки. – Но не везли же эти дружинники на своих ладьях заряженные орудия?» Впрочем, как это принято у людей военных, они свое любопытство и недоумение держали при себе и не задавали лешим лишних вопросов. Да те, разумеется, и не стали бы отвечать ни на какие вопросы.

Княжеским разведчикам для расположения был отведен небольшой сеновал рядом с воеводской конюшней. Будучи людьми бывалыми, они уточнили время и место предстоящего обеда и тут же завалились спать в душистом свеженьком сене. Лишь двое друзей, Степа и Ванятка, вместо сна отправились на поиски поморских дружинников. Понятно, что поиски эти были весьма короткими, поскольку, выйдя с сеновала и обогнув конюшню, разведчики тут же натолкнулись на отряд леших. После радостных объятий и приветствий, когда все говорят взахлеб, перебивая друг друга, а восклицания и жесты значат больше, чем слова, друзья отошли в сторонку и уселись на завалинке возле глухой стены княжеских палат.

– Как поживаете, дружинники? – первым, как самый старший по возрасту, спросил Степа.

– Грех жаловаться, но очень хочется, – с притворной печалью в голосе вздохнул Желток.

– А ты пожалуйся, – милостиво позволил Степа, принимая шутливый тон.

– Да вот, замуж за меня никто не идет, до сих пор холостой!

– Как так холостой? – воскликнул Степа. – А на вид вполне боевой!

Они дружно и искренне смеялись над старой военной шуткой, будто слышали ее впервые. Им было радостно, что они все живы, и вновь встретились друг с другом.

– А вот Михась у нас молодец, – нарочито громко и бодро продолжил Желток, стряхнув с себя притворную кручину. – У него уже сынишка и дочурка.

Желток похлопал молодого отца по плечу. Тот почему-то засмутился, опустил глаза, хотя по его лицу было видно, что похвала друга ему приятна.

– Однако здесь-то добрый молодец и попал впросак, – вновь сменив тон, горестно запричитал Желток. – Жена-то его, свет-Джоанушка, оказалась муженька своего не в пример старательней на служебном поприще. Покуда он прозябал в десятниках, она, еще до рождения деточек, в хозяйственных делах нашего Стана приняла участие, да так усердно и сноровисто, что теперь, почитай, всем этим хозяйством и заправляет...

Желток чуть замялся, подбирая слова, и добавил:

– То есть, Джоана по хозяйственной части – правая рука нашего боярина.

Действительно, посторонним, даже очень близким друзьям, не полагалось ничего знать о системе управления Лесного Стана, весьма отличавшейся от принятой в государстве Российском. Все должны были думать, что речь идет просто о родовой вотчине боярина Ропши – большой деревне, затерянной среди безбрежной северной тайги. А на самом деле Джоана была введена в Большой Совет и отвечала в нем за все невоенное хозяйство.

– Так вот, – продолжил Желток, природное ехидство которого отнюдь не ослабло с возрастом, а лишь усилилось. – Пока жена командует крестьянами, дворней, да ремесленниками, муж, понятное дело, стирает пеленки и вытирает детям носы. В общем, пропал боец! Забросил потехи воинские, забавы молодецкие, упражнения ратные, бери его теперь голыми руками, кто хочет.

Желток удрученно покачал головой и утер глаза, якобы смахивая скупую мужскую слезу. Но тут же он улыбнулся и гаркнул радостно:

– Хорошо, хоть на войну удалось улизнуть от домашней каторги!

– Тебе бы все шутки шутить! – мягко укорил друга Михась.

– Так ведь не плакать же! – на сей раз совершенно серьезно возразил в ответ другу Желток. – Слез и горестей на войне и так предостаточно.

Степа и Ванятка, да и сам Михась молча с ним согласились. Они, много повоевавшие, хорошо понимали значение вовремя и к месту сказанной веселой прибаутке в тяжелейших походных и боевых условиях.

Разумеется, Михась на Желтка ничуть не обиделся. Михась действительно постоянно и с удовольствием нянчился с детьми, часто подменяя весьма занятую общественной работой Джоану. Бабушек и дедушек у них не было, поскольку родители и Михася, и Джоаны давно умерли. Зато у них была Катька, которая, к немалому удивлению Михася, всегда готова была посидеть с любимым племянником и племянницей. Впрочем, сейчас, когда дети подросли, они уже не нуждались в постоянном попечительстве со стороны ближайших родственников, а воспитывались вместе с остальными детьми Лесного Стана. Так что некая доля правды, содержащаяся в дружеском подтрунивании, относилась уже к прошлому, хоть и не очень далекому.

– Ну, а вы-то как, друзья-товарищи? – поспешно спросил Михась, пока Желток переводил дух после едлинного красочного монолога.

Лишь только Степа и Ванятка успели повторить для друзей историю своей жизни за последние несколько лет, которую они уже рассказывали вчера Разику, как к ним подбежал посыльный. Едва переводя дух, посыльный скороговоркой объявил, что все большие и малые начальники Псковской рати, до десятника включительно, должны немедленно собраться у красного крыльца княжеских палат, чтобы выслушать обращение к ним воеводы. Уже помчавшись было далее, чтобы оповестить других, посыльный притормозил и крикнул через плечо, что все разведчики приглашаются особо. Друзья поднялись с завалинки, машинально поправили амуницию, и отправились, как было велено, к красному крыльцу.

На крыльце стоял воевода князь Иван Шуйский в окружении бояр и дьяков. В самом заднем ряду начальственной свиты, за частоколом высоких бобровых шапок Михась разглядел серо-зеленый берет Разика. Он поискал глазами Фрола, который тоже вместе с Разиком ходил на доклад к воеводе, но не нашел.

Фрол, как всегда, оставался в тени, как в переносном, так и в самом прямом смысле слова. Особник скрывался в сумраке сводчатой арки, выходившей на княжеский двор, и внимательно наблюдал за собравшимися там за большими и малыми начальниками псковского гарнизона, вплоть до писарей и десятников.

Воевода произносил свою речь командным голосом, раскатисто доносившимся до каждого уголка обширного двора. Он сказал о том, что на них движется огромное вражеское войско из двенадцати языков, но верные государю и присяге псковитяне отстоят родной город. В этом им помогут Божий промысел, собственная отвага и решимость. Воевода объявил осадное положение и сообщил, что сегодня, после захода солнца, все городские ворота и решетки на реках затворяются, и никто не сможет покинуть пределов Пскова. Также на закате должно запалить все городские посады, чтобы враг сидел в чистом поле, под дождем и ветром, а потом под снегом.

Услышав объявление о закрытии ворот, Степа не поверил своим ушам. Он пробормотал про себя невнятное ругательство и шепнул на ухо стоявшему рядом с ним Михасю:

– Да что ж он делает? Разве можно такие вещи заранее принарядно провозглашать? Ведь до заката все польские лазутчики из города благополучно улизнут!

Михась повернул голову к бывшему стражнику, не утратившему, как видно, прежней профессиональной подозрительности, и шепнул в ответ:

– Так здесь же все свои! Только воинские начальники!

Степа удивленно посмотрел на Михася и хотел было ему возразить. Однако стражник тут же вспомнил, что Михась всегда отличался душевной прямоотой и святой верой в своих товарищей. В дружине Лесного Стана его за глаза называли «уставной дружинник». По-видимому, за прошедшие годы Михась ничуть не изменился, и свои собственные понятия о чести и совести по-прежнему приписывал всем без исключения соратникам. Степа лишь вздохнул и покачал головой.

А воевода, еще более понизив голос, сообщил такое, что бывшему стражнику захотелось вскочить на крыльцо и закрыть князю рот ладонью:

– Мы сильны общей верой православной и преданностью государю нашему. А в рядах врагов, собравшихся со всей Европы, единства нет. Более того, приоткрою я вам для бодрости духа вашего некую тайну: в войске королевском есть люди, нам сочувствующие. И обещали они доносить загодя о замыслах градооцеков, осаждающих град наш. Так что, други мои, отслужим молебны в храмах псковских, укрепимся духом и приступим к трудам ратным с верой твердой и доблестью русской!

Завершив свою речь, воевода со свитой удалился в палаты, а воинские начальники немедлительно разошлись по неотложным делам.

Степа, попрощавшись с поморскими дружинниками, медленно брел к себе в расположение, повесив голову, не глядя на шагавшего рядом с ним Ванятку. На душе у бывшего стражника было мутно. Степа всю свою взрослую жизнь провел на военной службе. Вначале он бился с турками в низовьях Дона в составе ограниченного контингента казацких войск. Затем, вернувшись в родную Москву, поступил в стражу и чуть ли не ежедневно, вернее – еженощно, схватывался с разбойничьими ватагами в темных кривых столичных переулках. Потом он в ополчении воевал с крымцами, набежавшими на Москву, а впоследствии защищал от границы на Засечной черте. Будучи и казаком, и стражником, и ополченцем, и пограничником, Степа не раз и не два сталкивался с глупостью, трусостью и корыстью больших и малых воинских начальников. Конечно, на Руси было немало отважных и талантливых воевод, таких как князь

Михаил Воротынский. Но многие из них пали в битвах, а иных казнил без вины лютой смертью собственный государь – Иван Васильевич Грозный. Из всех воевод, заслуживших любовь простого народа и рядовых ратников, в настоящее время в строю оставался, пожалуй, лишь один князь Иван Шуйский. И вот только что этот прославленный народной молвой полководец совершил непростительную ошибку, граничащую с глупостью и даже предательством: заявил громогласно на всю площадь о том, что в стане неприятеля находится русский разведчик. Степа, слышавший речь воеводы своими ушами, отказывался верить в услышанное. «Мы в страже московской своих тайных соглядатаев, находящихся в шайках разбойничьих, как зеницу ока берегли, даже собственному начальству о них не докладывали! А тут... Ведь князь Шуйский – воевода опытный, умелый. Вон как нас, разведчиков, лелеет: в отдельный отряд собрал, на княжеском дворе поселил, со своего стола кормит!»

От тягостных раздумий Степу неожиданно отвлек чей-то возглас:

– Здравствуйте, братцы! Что ж вы мимо шествуете, старых друзей не замечаете? Али загордились своими заслугами ратными?

Степа повернул голову, и увидел Фрола. Особник уже успел сменить атласный камзол на обычное обмундирование поморского дружинника, а шляпу с плюмажем – на скромный черный берет. Степа шагнул ему навстречу, заключил в объятия. После взаимных приветствий Фрол, к удивлению Степы, обратился по имени и к его спутнику:

– Здравствуй, Ванятка! Рад видеть тебя живым и невредимым в строю ратном!

Ответ Ванятки привел бывшего стражника в еще большее изумление:

– Здравствуй... Сэр Джон! – с некоторой заминкой радостно выпалил молодой пограничник.

– Какой такой сыр? – растерянно пробормотал Степан.

– Да это у нас с Ваняткой была в свое время такая веселая игра... в сыр! – рассмеялся Фрол. – Я тебе как-нибудь потом расскажу.

При этих словах особник посмотрел на стражника честным бесхитростным взглядом и тут же перевел разговор на другую тему:

– Как ваша служба ратная? Начальство не слишком ли строгое? Степа не выдержал, и выложил особнику свое разочарование воеводою. К немалому удивлению бывшего стражника Фрол отнесся к его словам весьма легкомысленно:

– На то оно и начальство, чтобы громкие речи произносить, – небрежно махнул рукой особник. – Ежели всему верить, что на площадях да собраниях провозглашается, тогда уж точно дураком помрешь, причем вскорости. Давайте-ка лучше расскажите, как вы жили-пожили после осады московской.

– Погоди, Фрол, – не сдавался Степа. – Ты ж ведь сам под чужой личиной проникал в стан вражеский, как раз когда хан Девлет-Гирей Москву осаждал. Ты ж ведь должен понимать, что о таких делах вслух говорить не следует!

– Да будет тебе, Степа! – Дружинник положил руку ему на плечо. – Это нам с тобой много вслух рассуждать не пристало. А князя да бояре пушай себе краснобайствуют. Верно я говорю, Ванятка?

Молодой пограничник задумчиво кивнул, словно отвечая не на реплику Фрола, а на какие-то свои мысли и воспоминания. Их беседу прервала трель сигнального рожка, призывающего всех ратников, находившихся на княжеском дворе в личном распоряжении воеводы, вернуться в расположение своих отрядов для общего построения. На построении стремянный князь Шуйского поставил этим отборным воинам задачу: на закате взять под охрану все городские ворота и решетки, усилив стрелецкие караулы.

Однако, как и опасался Степа, эти меры запоздали. За час до захода солнца легкий челнок, в котором сидел стрелецкий десятник, поднялся вверх по течению Псковы и прошел под еще не опущенной решеткой. Караул беспрепятственно пропустил знакомого воинского

начальника, сказавшего, что едет еще раз перед осадой осмотреть снаружи укрепления, находящиеся в его ведении. Однако, проплыв немного вверх по реке, десятник причалил не к крепостным стенам, которые он якобы должен был осмотреть, а к противоположному берегу. Ступив на берег, десятник бросил челнок и проворно скрылся в ближайшем кустарнике.

В этот день под разными предложениями из Пскова улизнули еще два воинских начальника средней руки, писарь и подьячий.

После захода солнца воевода в сопровождении бояр и дьяков объехал псковские ворота и решетки и лично проверил караулы. Ему доложили о стрелецком десятнике, и других предателях, утекших из города до закрытия ворот под благовидными предложениями. Воевода хмурился, журил караулы, но, вопреки ожиданиям свиты, никого не велел наказывать. Уже в полночь князь Шуйский с сопровождающими его военачальниками вернулся в свои палаты и открыл очередной военный совет.

На огромном дубовом столе была расстелена карта Пскова и ближайших окрестностей. На стенах вдоль стола горели десятки восковых свечей, ярко освещая карту и расположившихся вокруг нее военачальников. Сотник поморской дружины, несмотря на свой малый чин, на сей раз находился не в темном углу, а на свету, среди высших должностных лиц. Впрочем, скамья, стоявшая в тени в самом конце совещательной палаты, на которой еще вчера Разик скромно ожидал, пока ему дадут слово, не пустовала. На ней тихонько сидел еще один поморский дружинник в черном берете, державший на коленях некий объемистый предмет.

– Главный вопрос, как вы все понимаете, состоит в следующем, – воевода сделал паузу, обвел взглядом собравшихся. – В каком месте противник сосредоточит основные силы для осады, и на каком именно участке он будет штурмовать город? И второй вопрос: как нам сей участок дополнительно укрепить, чтобы дать достойный отпор градоокемцам?

Все присутствующие вновь обратили свои взоры на развернутый перед ними план псковских укреплений, знакомый каждому до мелочей. Городские стены образовывали почти правильную трапецию, направленную вершиной на север. Западная стена была самой длинной, то есть по канонам военной науки весьма удобной для штурма. Но она высилась вдоль берега реки Великой, и перед ней невозможно было копать траншеи и апроши, расставлять орудия и разворачивать войска для атаки. К тому же к этой стене непосредственно примыкали дополнительные сильные укрепления псковского кремля – Крома. Восточная и особенно северная стена были самыми короткими, но на них находилась половина из двадцати семи внешних крепостных башен. То есть эта часть города обладала наиболее мощными укреплениями и вряд ли противник отважится на штурм именно здесь. А вот длинная южная стена, тянувшаяся между реками Великой и Псковой, имела всего пять башен, не считая угловых. Перед ней простиралось широкое поле, удобное как для осадных работ, так и для размещения воинского стана. Вероятнее всего, неприятель напустится на город именно с южной стороны.

Эти соображения, так или иначе пришедшие на ум всем участникам военного совета, первым высказал вслух, конечно же, ни кто иной, как записной оратор, князь Василий Скопин. Однако к неудовольствию князя, после его слов все присутствующие обратили свои взоры не на него, а почему-то на сотника поморской дружины, ожидая, что тот скажет в ответ. Князь Шуйский немедленно предоставил слово сотнику.

– Я полностью согласен с князем Василием, – уважительно склонив голову в сторону упомянутого военачальника, произнес Разик. – Вероятно, именно так и будет действовать неприятель. Подобная тактика штурма укрепленных городов предписывается в книге немецкого инженера Спекле «Архитектура крепостей», считающейся последним словом европейской военной науки. Король Стефан и его воевода, гетман Замойский – люди грамотные, и сию редчайшую книгу, несомненно, прочли самым внимательнейшим образом.

– Эх, нам бы эту книгу! – воскликнул дьяк Терентий Лихачев. – Многие действия королевской рати можно было бы наперед предугадать!

– Разреши, воевода? – обратился Разик к князю Шуйскому, и, получив согласие, окликнул сидевшего в углу на лавке дружинника: – Боец, ко мне!

Дружинник встал, машинально поправил черный берет, подошел к своему командиру и протянул ему предмет, который до этого бережно держал на коленях. Взяв из рук Фрола тяжелый фолиант, Разик положил его на стол:

– Вот эта книга.

Князь Шуйский склонился над фолиантом, осторожно раскрыл его, перелистал несколько страниц. Внезапно князь резко выпрямился, повернулся к Разику:

– Что это? – Воевода указал перстом на бурое пятно, растекшееся по верхнему обрезу книги.

– Это кровь нашего разведчика, добывшего сие сокровище из библиотеки австрийского герцога, – голос Разика звучал буднично, без всякого пафоса.

Однако, произнесенные им слова заставили вздрогнуть всех присутствующих. На короткий миг в совещательной палате воцарилось молчание, которым высокопоставленные военачальники отдали дань уважения подвигу не названного по имени русского разведчика.

Первым нарушил тишину Разик:

– В книге сей доказывается многими примерами и расчетами, что высокие каменные стены крепостей в настоящее время потеряли смысл, ибо осадных башен и таранов уже давным-давно нет, а артиллерия своим огнем способна разрушить любые стены. Поэтому вместо высоких стен инженер Спекле предлагает возводить для защиты от артиллерийского огня многоугольники, называемые бастионами. Стенами бастионов служат сравнительно невысокие, но широкие земляные валы. Вот так выглядит сей вал в разрезе, – Разик указал на чертеж, помещенный на развороте книги. – Перед валом выкапывается ров. Вал от рва отделяется широкой площадкой – бермой, чтобы избежать обрушения. Отлогость рва, ближайшую к берме именуют эскарп, а противоположную – контрэскарп. Их следует облицевать камнем, чтобы избежать подкопа. Но в нашем случае облицовка не нужна.

– Так ты предлагаешь соорудить бастион перед южной стеной? – удивленно воскликнул князь Шуйский.

– Не бастион, а лишь один только земляной вал. И не перед стеной, а за ней, чтобы неприятель, идя на штурм сквозь разрушенную стену, не догадывался, что за ней его ждет новое укрепление, способное противостоять огню осадных орудий. К сооружению вала следует приступить немедленно, собрав на работы всех горожан и беженцев, способных копать и носить землю.

Князь Василий Скопин, хотя и был в самой глубине души весьма польщен тем, что дружинник, знакомый со всеми новейшими достижениями военной науки, уважительно согласился с его мнением, тем не менее, вновь попытался затеять спор.

– А если противник все же начнет приступать к городу с иной стороны? – своим обычным сварливым тоном принялся опровергать князь свои же недавно высказанные соображения. – От этого вашего вала не будет никакого толку!

– Мы уже через день-другой после начала осады сможем точно определить направление главного удара, – по-прежнему спокойно и почтительно ответил боярину Разик. – Неприятель примется по всем канонам военной науки копать траншеи и расставлять артиллерию напротив участка крепости, намеченного для штурма. В худшем случае мы потеряем эти два-три дня, и вынуждены будем начать новое строительство в другом месте. Но если направление штурма определено нами правильно, то мы будем иметь существенное преимущество в скорости земляных работ.

– Я согласен с сотником, – пресекая дальнейшую дискуссию, произнес воевода Иван Шуйский. – Приступим к сооружению вала немедленно.

Он вновь склонился над лежавшей на столе развернутой книгой, принялся еще раз внимательно разглядывать чертеж:

– Значит, широкий вал вместо высоких стен. Мысль вроде совсем простая, к тому же всем устоям противоречащая, но ведь правильная! Испокон веков считалось, что чем выше стены, тем неприступнее крепость. А сейчас стену любой высоты пушки все равно проломают у самого основания... Ну что ж, будем сооружать вал. Только внесем в сей немецкий план свои поправки. У них в Европе лесов, по нашим меркам, почти что и нет, потому они и нороят все из камня и из земли строить. А мы для вала опалубку из бревен соорудим, да возле рва частокол воздвигнем. Как, говоришь, это называется? – обратился к Разику князь Шуйский, указав рукой на чертеж. – Эскарп и контрэскарп? Ну-ну.

Воевода выпрямился, явно намереваясь завершить военный совет и огласить приказ по его итогам. Но неугомонный князь Василий и тут встрял с очередным замечанием:

– А если враг узнает, что мы строим вал за крепостной стеной, учтет сие и примет какие-то свои меры? – поспешной скороговоркой выпалил он.

Князь Шуйский едва заметно усмехнулся в усы:

– Так я ж сегодня на площади, держа речь перед начальниками воинскими, опрометчиво назвал время закрытия ворот псковских. Тем самым я дал возможность тайным сторонникам польским улизнуть из города. Что они с успехом и сделали. Некому теперь будет о наших действиях врага оповестить!

При этих словах воевода посмотрел на Разика, давшего ему сегодня утром этот совет. Разик в свою очередь украдкой бросил взгляд на неосвещенный угол, где на лавочке скромно и незаметно сидел особник Фрол.

– Итак, князья и бояре, и вы, дьяки государевы. Слушай мой приказ. Будем строить земляной вал за южной городской стеной. Всем городским начальникам нарядить людей ремесленных, посадских и беженцев на работы, снабдить орудиями землекопными и питанием. Возглавит работы князь Андрей Хворостинин. Помогать ему будут розмыслы из поморской дружины и дьяк Терентий Лихачев. К подготовке приступить немедленно, чтобы с рассветом работа уже кипела.

Члены военного совета, поклонившись воеводе, покинули совещательную палату, вышли на крыльцо. Хотя едва минул второй час ночи, на дворе было светло почти как днем. Кром и весь Псков был освещен ярким пламенем пылающих вокруг городских посадов.

– К повороту! Поберегись! – привычно скомандовал Михась, перекладывая парус с борта на борт, чтобы сменить галс.

Небольшой челн с пятью бойцами на борту, продвигался, лавируя, вверх по течению реки Великой. Пройдя очередной ее плавный изгиб, дружинники увидели деревню, вернее, еще дымящееся пепелище. Но они смотрели не на обгорелые остовы печей, их взоры были обращены на берег, туда, где возле крохотной дощатой пристани или просто на прибрежном песке могли оставаться лодки. Большинство беженцев из окрестных сел и деревень прибывали в Псков по воде, везя на своих суденышках чад и домочадцев, нехитрый скарб и даже домашний скот с запасом корма. Поэтому практически все лодки, имевшиеся на реках Великой, Пскове и Черехе, а также на Псковском озере, сейчас сосредоточились в городе. Тем не менее, воевода Иван Шуйский по совету Разика, в свое время служившего, как и Михась, в морской пехоте Ее Величества Королевы Англии, отправил по рекам и озеру разведотряды для уничтожения оставшихся плавсредств. Противник, естественно, лодок с собой не тащил, поэтому псковский гарнизон, имевший какой ни на есть флот, мог получить некоторое тактическое преимущество за счет свободного плавания по рекам и озеру.

Михась со своей разведгруппой осмотрел уже три села, и ни в одном из них не нашел оставленных лодок. А вот в этой деревеньке лодки были, причем сразу две, и довольно большие. Они лежали на песке рядышком, перевернутые вверх днищами. Лодки следовало увести с собой или сжечь. Берег реки напротив пепелища был пустынен и тих, не было слышно даже обычного птичьего щебетания. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, поскольку прибрежные птички, напуганные недавним пожаром и до сих пор клубившемся дымом, наверняка покинули свои гнезда. Михась, еще раз внимательно осмотревшись, решительно повернул кормило, или по-иноземному руль, направляя свой челн к берегу, спустил парус. Челн, продолжая идти по инерции, вскоре мягко коснулся киля дна, остановился в нескольких саженях от берега. Степан первым спрыгнул с носа лодки прямо в воду, которой было по колено, побрел к берегу, держа на всякий случай наизготовку взведенную пищаль. Михась чуть замешкался на корме, чтобы отдать якорь, и сошел с борта последним. Выйдя на берег, он взглянул на лодки с более близкого расстояния. Что-то в них было не так. Еще не поняв, в чем, собственно, заключалось это самое «не так», десятник, движимый скорее наработанным за многие годы инстинктом, нежели разумом, крикнул своим бойцам, уже подходившим к суденышкам:

– Ложись! К бою!!! – и сам упал на прибрежный песок, перекатился в сторону, направляя стволы обеих пистолей в сторону вероятной опасности.

И где-то в самой глубине его сознания явственно возникло обоснование возникшему предчувствию. На днищах лодок оставался песок. Он подсыхал под лучами солнца, постепенно сдувался речным ветерком, но все же его было еще много, влажного и прилипшего к просмоленным доскам. Если бы лодки лежали здесь даже со вчерашнего дня, не говоря уж о более отдаленном времени, песок успел бы высохнуть, и его бы весь сдуло ветром. Значит, лодки перевернули совсем недавно. Кто и зачем мог это сделать?

Ответ на этот незаданный вопрос прозвучал почти мгновенно. Со стороны лодок грохнул залп из полудюжины ружей. Очевидно, под их бортами в песке были прорыты незаметные издала маленькие бойницы. Дружинники, успевшие, не раздумывая, выполнить команду своего десятника, вжались в песок, и пули, выпущенные из хитрой засады, просвистели над их головами, не причинив вреда. Лишь Степа, который, конечно, был опытным воином, но по своей подготовке и скорости реакции все же проигрывал лешим из Лесного Стана, не успел уклониться от выстрелов. Он, неловко дернувшись всем телом назад, завалился набок. Вероятно, пуля попала ему в левое плечо. Но все же разведчик, падая, сумел выпалить из своей пищали в сторону невидимого врага. Дружинники, естественно, берегли заряды и не стреляли по неразличимой цели. Степин выстрел не причинил спрятанным в засаде врагам никакого вреда, но на миг отвлек их внимание.

В минуты смертельной опасности, требующие наивысшего напряжения сил, мозг Михасы начинал работать с невероятной быстротой, но с холодным и точным расчетом. Дружинник, прошедший всю свою сознательную жизнь в непрерывных воинских упражнениях, схватках и сражениях, начинал будто бы видеть себя со стороны. Время словно замедляло свой бег, раскладывалось на неравные отрезки. Обычный человек, попав в такой ситуации в засаду, инстинктивно кинулся бы назад, к реке. Михась почему-то был твердо уверен, что этого делать нельзя. Также нельзя было более лежать на песке перед этими проклятыми лодками. Их враги, наверняка опытные и хитрые, могли оставить заряженное оружие для второго залпа. Засада явно была хорошо подготовлена. Вероятно, их челн заметили еще издала, с какой-либо возвышенности или с вершины дерева, глядя в подзорную трубу, сосчитали численность бойцов, догадались о намерениях и устроили ловушку. Перевернули лодки, наскоро проделали под ними незаметные бойницы. Но сам Михась на месте врага еще бы подстраховался, то есть разделил бы свою группу, и посадил часть людей где-нибудь над береговым обрывом, среди дымящихся развалин, чтобы огнем сверху прикрыть при необходимости тех, кто затаился под лодками и не сразу смог бы из-под них выбраться. Но все-таки времени у их противников было не

так уж много, и вряд ли они подкапывались под все борта, обеспечивая себе круговой обстрел. Скорее всего, бойницы под лодками проделаны лишь с той стороны, которая обращена к реке. Значит, нужно, не теряя ни мгновенья, пока еще звучит эхо и клубится дым от вражеского залпа и ответного выстрела Степы, бежать не назад, к своему челну, подставляя спины под прицельный огонь, а вперед, под невысокий береговой обрыв.

– Вперед!!! – крикнул Михась, и, пригнувшись, рывком кинулся к обрыву.

На первом шаге он успел сунуть пистолы за пояс, на втором – подхватить за ремень и за шиворот Степу, потащить его за собой. Михась уже готов был взвалить разведчика на плечи, выполняя упражнение, отрабатываемое дружинниками Лесного Стана с юных лет. Вынос с поля боя раненого товарища – священный долг каждого бойца. Для этого дружинники постоянно тренировались в беге на полверсты со взваленным на плечи напарником. После такой пробежки перед глазами плыли черные круги, легкие разрывались от хриплого дыхания, и сердце готово было выскочить из груди. Зато после освобождения от «раненого» бегущему или идущему дальше человеку казалось, что он вот-вот воспарит над землей, настолько легко и пружинисто несли его разгруженные ноги.

Но Михасю не пришлось тащить друга на себе. По-видимому, Степина рана была не тяжелой, и он после рывка Михася встрепенулся и помчался, самостоятельно перебирая ногами, в заданном направлении. Впрочем, дружинник все же продолжал буксировать Степу за ремень, придавая ему необходимое ускорение. А Степа в здоровой руке мертвой хваткой сжимал свою пицаль.

Худшие опасения Михася тут же подтвердились. Засада оказалась двойной. Сверху, со стороны пепелища грянул еще один залп, и ружейные пули, подняв фонтанчики песка, ударили в те места, где только что лежали бойцы поморской дружины, вновь успевшие своевременно выполнить команду своего десятника, и рвануть под береговой обрыв.

В схватке наступило секундное затишье, в течение которого обе противоборствующие стороны решали: что делать дальше? Для этого они должны были предугадать действия противника. Разумеется, Михась прекрасно понимал, что просто сидеть под обрывом и ждать активных действий неприятеля – это самоубийство. Необходимо атаковать первыми. Выскочить наверх и ударить по второй группе, которая только что разрядила ружья? Наброситься на первую группу, засевшую под лодками? Разделиться и атаковать одновременно в двух направлениях? Но где засела вторая группа – не ясно. К тому же супостаты – люди опытные, и могли оставить в запасе несколько выстрелов, чтобы выманить противника на себя. Поднявшись на обрыв, лешие рискуют нарваться на прицельный огонь в упор до того, как смогут сами начать ответную стрельбу по затаившемуся среди сгоревших изб неприятелю. Но если атаковать первую группу, которая вот-вот должна начать поднимать лодки и выбираться из-под них, изготавливаясь к схватке, то вторая группа начнет палить с тыла. Пора давать команду. Сейчас даже плохая команда лучше, чем никакая. А Степу придется пока оставить здесь, под обрывом.

Подкрепляя слова жестами, десятник выпалил скороговоркой:

– Поднимут лодки – две бомбы наверх, вслепую, атака на лодки. Две бомбы – сходу в заброс. Держат руками – сбив, подперли – барьер, огонь сверху или в перекал. – И, увидев, как обе лодки враз оторвались от песка, качнулись вверх, становясь вертикально на один борт, взревел: – Пошли!!!

Два дружинника, на которых указал Михась в первой части команды, уже успевшие достать из подсумков ручные бомбы с хитрым механическим запалом, бросили их, не глядя, себе за спину, на обрыв, примерно туда, где находилась вторая засада. Вряд ли взрывы повредят неприятелю, но прикроют леших от прицельного огня во время броска.

На обрыве грохотнуло, в уши ударила тугая волна. Все пятеро дружинников бросились к лодкам, двое швырнули на ходу бомбы за этот своеобразный барьер, за которым сейчас укрывались враги. Позади поставленных на бок лодок взметнулись два фонтана песка. С разбегу

бойцы ударили подошвами согнутых в коленях ног в днища лодок. Если бы укрывшиеся за лодками, просто подпирали их руками или плечом, то они все равно повалились бы на землю, тем более что некоторых могло контузить или ранить взрывами. Но, очевидно, прятавшиеся за лодками люди успели подпереть их веслами или шестами, чтобы затем воспользоваться этим укрытием и вести из-за него прицельный огонь. Сбив не удался, но лешие, толкнувшись ногами от лодок, как от барьера, взлетели над ними и обрушились на врагов сверху.

Из-за взметнувшейся от взрыва тучи песка было плохо видно, сколько противников находится за лодками, кто из них жив, кто мертв и кого следует валить в первую очередь. Михась не стал палить сверху в прыжке, как намеревался сделать это первоначально, а приземлился за спинами оборонявшихся, кувыркнулся через плечо, и, выйдя из кувырка с разворотом назад в положение для стрельбы с колена, направил пистолы на врага. Противников было не меньше дюжины, по шесть человек за каждой лодкой. Но трое уже лежали неподвижно на песке, еще трое или четверо, судя по их позам, были ранены взрывами бомб. Михась выпалил одновременно с обеих рук в неприятелей, казавшихся невредимыми, и начавшими разворачиваться ему навстречу. С такого расстояния не промазал бы и малыш-первогодок. Бросив пистолы, Михась выхватил нож, рванул вперед на сближение с еще одним противником. Но тот уже медленно оседал на землю. По-видимому, кто-то из бойцов попал в него выстрелом сверху. Повернув голову влево-вправо, Михась увидел, что его дружинники уже завалили всех, кто держался на ногах и теперь добивают их. Переведя любимый чухонский нож из прямого хвата в обратку, Михась сноровисто прикончил тех, кто мог внезапно подняться в неподходящий момент и выстрелить в спину. Добивание – совершенно необходимый элемент боевой схватки с равным или превосходящим по численности противником. Конечно, в балладах менестрелей благородные рыцари так не поступали. Но Михась и его бойцы не были рыцарями из баллад, они были профессиональными воинами, добросовестно и умело защищавшими свою Родину. Конечно, если позволяли обстоятельства, они брали пленных в конце боя, но сейчас до конца боя было еще далеко. Михась обвел взглядом свое маленькое войско и убедился, что все бойцы целы и невредимы.

– Залечь, осмотреться, перезарядить оружие! – скомандовал десятник.

Теперь лодки, за которыми намеревались укрыться враги, служили защитой самым лучшим. Степа сидел под обрывом с пицалью наизготовку и тоже был вне досягаемости для выстрелов сверху, поэтому Михась за него не волновался.

Михась на мгновение высунул голову из-за лодки, бросил короткий взгляд в том направлении, где, вероятно, расположился неприятель. На фоне черных обгорелых бревен и закопченных печей тут же появилось крохотное характерное облачко дыма. Михась буквально упал на песок, и через мгновение в борт лодки, точно в то место, над которым он только что поднимал голову, ударила пуля. Очевидно, что ружье было дальнобойным и мощным, поскольку пуля пробила дощатое днище и, мелодично свистнув над вжавшимся всем телом в песок Михасем, подняла довольно высокий фонтанчик в трех саженях позади него.

«Ловкие, гады! – с невольным уважением к противнику подумал Михась. – На кого ж это мы нарвались?».

Ранее, в горячке скоротечной схватки, дружиннику было недосуг детально рассматривать своих врагов. Он стрелял и бил ножом по силуэтам. Сейчас, чуть повернув голову вправо, Михась бросил взгляд на лежавшие рядом трупы. Их обмундирование было неприметного серого цвета, а на груди красовался синий бархатный треугольный щит с серебряным шитьем. Шитье изображало вставшего на задние лапы волка с человеческой головой.

«Вот оно что! – зло усмехнулся про себя Михась. – Давненько не виделись. Ну, со свиданьем!»

Чуть приподнявшись, он жестами привлек внимание своих бойцов к поверженным противникам. Бойцы покивали головами: они тоже поняли, с кем имеют дело.

Вторая пуля ударила в днище лодки совсем рядом с первой, вновь просвистев над головой лежавшего на песке Михася. Очевидно, противник предположил, что дружинники решат воспользоваться образовавшимся первым отверстием, чтобы вести сквозь него наблюдение.

«Не дожидетесь! – мысленно ответил врагу Михась. – Но и нам тут разлеживаться недосуг и ждать, пока вы под прикрытием столь метких стрелков на головы сверху свалитесь!»

– По моей команде толкаем вперед лодки, чтобы отвлечь на них внимание, а сами уходим в стороны. Два-три переката, и бегом к обрыву. – шепотом приказал Михась, – Ты, Тема, подставляешь мне руки, – он жестом показал ближайшему бойцу, что следует сделать. – Я сходу взлетаю наверх, бросаю бомбу. Я успел засечь, где их позиция. Вы – сразу за мной, палим навскидку, далее действуем по обстановке.

Михась сделал короткую паузу, взглянул на бойцов. Те кивками подтвердили, что приказ понят.

– Готовы? Толкаем лодки на счет «три».

Раз... Два... Три!!!

Лодки качнулись вперед, упали с бортов на днища. Лешие, обегая их с боков, помчались к обрыву, петляя из стороны в сторону, совершая через два-три шага стремительные перекаты с резкой сменой траектории движения и выходом в высокую стойку. Термин «качание маятника» войдет в широкий обиход лишь через четыреста лет, с легкой руки писателя-смершевца Богомолова. Но один из основных элементов «маятника» – боевой кувырок с опорой на предплечье, а не на ладони, в которых было зажато оружие – холодное или огнестрельное – использовался умелыми подготовленными бойцами испокон веку.

С обрыва гремели мушкеты, свистели пули. Как и опасался Михась, противник сам пошел в атаку под прикрытием нескольких стрелков с дальнобойными ружьями, оставшихся на прежних позициях. Но их атака все же запоздала. Вервольфы даже не успели достигнуть кромки прибрежного обрыва и, увидев неожиданный встречный бросок дружинников, слегка замешкались, остановились и принялись палить с колена или лежа. Начался встречный бой, в котором обе стороны оказались в равном положении. Теперь все решали меткость стрельбы и способность уклоняться от ответных выстрелов.

Михась на выходе из первого же кувырка выстрелил по ближайшему противнику, перекатился вновь, выстрелил во второго. Кажется, попал оба раза. Он бросил пистолы, и, не прекращая движения, расстегнул подсумок, выхватил ручную бомбу, рванул кольцо. Выдернулась тонкая бечевка, раскрутилось колесико в запальном устройстве, выскло искры из кремня, зажгло фитиль. Михась размахнулся, и, прыгнув головой вперед, швырнул дымящуюся бомбу на обрыв. «Получай, вервольф, гранату!».

Взрыв взметнул тучу то ли земли, то ли пепла, на секунду закрывшую обзор.

– Тема! – крикнул Михась своему бойцу, давая понять, что хоть обстановка и изменилась, предыдущий приказ остается в силе.

Тот в два прыжка достиг обрыва, бросил ружье, подставил сомкнутые в замок руки. Михась мельком взглянул на Степана. Тот по-прежнему прятался под обрывом, но уже привставал, проделывая какие-то манипуляции со своим самопалом. Михась с разбегу оперся стопой в подставленные ладони, без труда вскочил на невысокий обрыв, сжимая в руке готовый к бою нож.

Он вынужденно прыгал вслепую, не зная численности и расположения неприятеля. Самым опасным было первое мгновение, за которое ему следовало оценить обстановку и начать адекватные действия. Тут легко было схлопотать пулю или удар клинком. Однако, когда Михась взмыл над обрывом, Степа, подняв над головой пищаль лишь одной – здоровой – рукой, опер ствол на край обрыва и выпалил в сторону неприятеля. Он побывал в десятках сражениях и схватках, и даже будучи раненым, точно знал, что и когда нужно сделать в бою, чтобы максимально помочь своим товарищам. Те враги, что уцелели после взрыва, невольно

пригнулись или отшатнулись от этого выстрела. И Михась получил то самое драгоценное мгновение, которое было так необходимо ему для начала ответных действий.

Дружинник мысленно похвалил себя, за то что, бросившись в атаку, он повел своих бойцов чуть вправо от того места, где заметил дымок от направленного в него выстрела. Лешим удалось зайти противнику во фланг. Вервольфы отступали! Грамотно выстроившись цепочкой, чтобы не попасть всем одновременно под залп, унося раненых, они с похвальной быстротой бежали к околице сгоревшей деревни, к лесу. Вероятно, потери половины отряда и последний взрыв ручной гранаты отбили у них охоту к дальнейшему поединку с лешими. Конечно же, они оставили заслон. Двое вервольфов стояли во весь рост, держа в руках пистолы. Но, поскольку Михась появился не с фронта, а с фланга, получилось так, что один противник перекрывал другому траекторию стрельбы.

Михась вновь кувыркнулся вперед, навстречу врагам. Однако на сей раз на выходе из кувырка он не стал вставать во весь рост, а в приседе сделал еще один бросок вперед, достав ближайшего к нему противника длинным прямым уколом в низ живота. От такого укола человек словно сдувается, мгновенно оседает вниз. Перед тем как Михась завершил свой выпад, враг успел выстрелить, но обе пули прошли высоко над головой так и не выпрямившись во весь рост дружинника. А вот теперь пора вскакивать на ноги, толкая навалившийся труп на второго противника. Михась так и сделал, но второй враг уже сам падал на землю. Михась увидел, как сбоку к тому подскочил Тема, протянул руку, вынул из горла поверженного вервольфа свой нож, который, очевидно, только что метнул в него.

Михась вскочил, принял боевую стойку, убедился, что поблизости нет противника, готового вступить в рукопашную схватку, и тут же залег, вспомнив о вражеских стрелках в укрытии. Его бойцы залегли рядом.

– Все целы? – шепотом спросил Михась, не поворачивая головы, не решаясь оторвать взгляда от обгоревших развалин, за которыми мог укрываться враг.

– Лис ранен. В бедро, – так же шепотом ответил Тема.

– Перезарядить оружие, – скомандовал Михась, а сам, толкнувшись обеими руками, рывком приподнялся и тут же вновь упал на землю.

Развалины окутал дым от двух или трех выстрелов. Но пули вновь миновали вовремя залегших дружинников. Михась перекатился за какой-то камень, осторожно выглянул из-за него, и увидел, как от обгоревшего остова печи, из-за которого только что велась стрельба, пригнувшись, бегут к лесу трое вервольфов с длинными ружьями в руках. Это отступал последний заслон.

Михась взвесил обстановку, и, чуть поколебавшись, отдал приказ:

– Мы отходим к реке, к челну. Преследовать врага вчетвером, имея двух раненых, не можем. Тема, прикрывай. Как только оттолкнем челн от берега – окликнем. Ты оставляешь позицию и бежишь к нам, добираешься вплавь.

Михась опередил своих бойцов, помогавших раненым добраться до берега, и поджег две проклятые лодки, чтобы не достались неприятелю. Хотя и с продырявленными бортами, они вполне были пригодны для плавания.

Вниз по течению реки Великой челн летел, как на крыльях. Михась, находившийся в том особом возбужденном состоянии, которое бывает после победы в смертельной схватке, правил рулем и парусом так, будто участвовал в гонках английского королевского яхт-клуба. Впрочем, он действительно принимал участие в таких гонках десять лет назад в Портсмуте, в команде адмирала Дрейка. На излучинах реки, под приглубым берегом, к которому прижимался стрежень течения, челн сильно кренился на борт, срывал брызги с гребней невысокой речной волны. Но находившиеся в челне бойцы, даже раненые, тоже пребывали в приподнятом расположении духа и не обращали внимания на эти брызги, окатывавшие их время от времени.

– Однако, давненько мы с вервольфами не встречались! – первым озвучил общую мысль Лис, пользуясь некой неписаной привилегией, освобождающей раненых от строгого соблюдения субординации.

– Век бы их не видеть! – откликнулся Михась, хотя и праздновавший в душе победу, но все же немало огорченный выходом из строя своего бойца и Степы.

«Зря я поддался на уговоры Степана и взял его с собой. Он, конечно, воин лихой, но подготовка у него совсем не такая, как у нас. Вот и схлопотал первую же пулю. Хорошо, хоть в плечо, а не в лоб» – переживал про себя десятник. Но вслух он произнес совсем другое:

– Все молодцы, действовали грамотно и четко. Степе – особая благодарность: вовремя нас прикрыл своей пальбой, когда мы на обрыв взбирались.

– Да ладно, Михась. – Степа чуть поморщился от боли и непроизвольно дотронулся рукой до повязки на раненом плече. – Подвел я вас, завалился в самом начале боя... А с вервольфами я не далее как вчера утром повстречался, во время разведки. Учужали они нас с Ваняткой, незнамо как, погоню устроили. Но мы, слава Богу, оторвались!

Степа перекрестился здоровой рукой.

– Чую я, что не раз еще за время осады нам с ними дело иметь придется, – задумчиво произнес Михась. – Опасные противники. Как, впрочем, и большинство ландскнехтов и рейтаров в королевском войске. Да и шляхетская рыцарская конница – тоже не подарок. Особенно личная гвардия короля Стефана, гусары по-ихнему. Мы-то люди привычные, а вот нашим казакам и стрельцам тяжело придется. Они все больше с ордынцами да с ливонцами привыкли воевать. А теперь лучшие войска со всей Европы на нас ополчились.

– Ничего, командир, прорвемся! – откликнулся Тема любимым присловьем леших.

Челн миновал очередную излучину и вылетел на плес, за которым открылась величественная панорама Пскова. Город, как изготовившийся к схватке боец, застыл строго и сурово среди дымов своих сожженных посадов.

На рассвете, проводив Михася с бойцами и другие разведотряды на вылазку по уничтожению плавсредств в окрестностях Пскова, Разик вместе с дьяком государева пушечного приказа Терентием Лихачевым явился в Кром, на княжеский двор. Олежа и подчиненная ему команда артиллеристов и инженеров из Лесного стана уже находились там, возле своих орудий с зачехленными стволами. Олежа отправил на отдых бойцов, простоявших всю ночь в карауле возле орудий, и теперь расхаживал по двору взад-вперед, поджидая начальство. Остальные дружинники расположились тут же, на травке, мудро полагая, что повоевать они еще успеют, а вот полежать лишние полчаса – вряд ли. Только оружейных дел мастер Губан сидел, привалившись спиной к пушечному лафету, и, по обыкновению, что-то чертил на гладкой белой дощечке черным грифельком.

При виде Разика и дьяка Олежа подал команду «смирно!», побежал им навстречу с докладом. Выслушав доклад и поприветствовав бойцов, Разик приказал им выстроить оцепление в десяти шагах вокруг орудий, а сам с дьяком подошел к одной из пушек, положил руку на ствол:

– Сейчас, Терентий, мы покажем тебе кое-что из наших новейших изделий, о которых никто пока не ведает. Но вначале необходимы некие пояснения.

Разик повернулся было к Губану, который, собственно, и был автором замечательного изобретения, но вовремя передумал. Губан был чрезвычайно талантливый инженер и ученый, пожалуй, даже гениальный. Однако у него была одна особенность. Беседуя с кем угодно на свои профессиональные темы, Губан не умел разговаривать человеческим голосом. Он либо орал, размахивая руками и совершенно не стесняясь в выражениях, либо бормотал себе под нос что-то невразумительное. Поэтому Разик решил не подвергать дьяка, не знакомого с особенностями губановской речи, неизбежному умственному потрясению, а поручил объяснения Олеже, ставшему недавно главным артиллеристом поморской дружины.

– Как ты знаешь, господин государев дьяк, – почтительно начал свою речь Олежа, наслышанный о заслугах и опыте Терентия в оружейном деле, – при выстреле из орудия в стволе образуется пороховой нагар. Нагар этот стараются удалить, прочищая орудие перед каждым новым выстрелом. Но самую нижнюю плотную часть нагара все равно снять невозможно, и при длительном использовании этот слой в стволе нарастает.

– Знаю, конечно! – ласково кивнул дьяк своему молодому коллеге, который явно смущался, беседуя со столь высоким начальством. – От нагара калибр орудия уменьшается, прежние ядра к нему уже не подходят, нужно подбирать меньшие. Но изготовление больших набо- ров подкалиберных ядер – дело практически невозможное. Да и все равно дальность и точность стрельбы снижается.

– Вот мы у себя, то есть, в северной вотчине боярина Ропши, попытались против неис- правности сей особые меры принять, – продолжил Олежа, ободренный доброжелательным отношением Терентия. – И выточили в стволе орудия продольные нарезы, чтобы пороховой нагар скапливался в них и не уменьшал калибр.

С этими словами Олежа, осмотревшись по сторонам, и убедившись, что посторонних за оцеплением рядом с орудиями нет, снял со ствола пушки чехол. Терентий с любопытством заглянул в дуло и увидел там дюжину радиально расположенных параллельных нарезов глуби- ной в десятую часть гривенка.

– Молодцы, – вежливо похвалил дружинников дьяк, но в его голосе явственно звучало сомнение. – Но ведь при выстреле пороховой дух будет истекать из ствола по нарезам, и сила выстрела упадет!

– Никак нет! – поспешно ответил Олежа. – Мы нарезы в стволе произвели по спирали, и если ядро при зарядании плотно забить, оно заполнит нарезы, и сила выстрела остается прежней. Мы провели испытания, составили таблицу дальности и рассеивания.

Олежа расстегнул верхние крючки кафтана, засунул руку за пазуху, достал квадратный замшевый кошель, вынул из него сложенный вчетверо лист плотной бумаги, развернул, про- тянул дьяку. Терентий взял бумагу, принялся внимательно изучать записи и столбики цифи- рей. Постепенно выражение недоверия на его лице сменилось крайним изумлением. Дьяк ото- рвал взгляд от бумаги, растерянно взглянул на Олежу и Разика и вновь принялся перечитывать таблицу, словно не веря своим глазам. Лешие понимающе молчали, не мешая ему. Наконец, Терентий обрел дар речи:

– Что... Что это? Неужели, правда? Но как? Почему?! – воскликнул он.

– Это правда, Терентий, – подтвердил Разик. – Дальность стрельбы возросла, при этом точность увеличилась более чем в два раза. Олежа, поясни.

Олежа охотно продолжил свой рассказ:

– Мы пришли к выводу, что наблюдаемое двукратное снижение рассеивания, то есть повышение дальности и точности стрельбы из орудий с нарезным стволом, вызвано тем, что ядро, двигаясь во время выстрела по стволу со спиральными нарезами, приобретает враща- тельное движение. Далее, в полете, оно из-за этого вращательного движения получает допол- нительную устойчивость на траектории, подобно тому, как детский волчок, крутясь, твердо стоит на полу. По такому же принципу, судя по старинным греческим книгам, метали диск гре- ческие атлеты. Чем сильнее закручивали они его во время броска, тем дальше он летел. Вра- щающееся ядро, обладая соответствующей инерцией, меньше сносится ветром, лучше преодо- левает сопротивление воздуха. Вот так, решая задачу уменьшения нагара в стволе, мы открыли совершенно новый способ стрельбы. Это все сделал наш умелец, инженер Губан.

Губан по-прежнему скромно сидел в сторонке, уткнувшись в чертеж, будто бы беседа его не касалась. Вероятно, он был так увлечен какой-то очередной новой идеей, что не обращал внимания на окружающую действительность.

Терентий некоторое время потрясенно молчал, пытаясь осмыслить все услышанное. Затем он глубоко вздохнул, тряхнул головой и воскликнул:

– Ну, братцы, что ж мы с вами стоим? Будем немедленно нарезать все псковские пушки!

Разик и Олежа переглянулись, и сотник положил руку на плечо Терентия:

– погоди, дьяк! Мы тебе рассказали лишь о преимуществах нарезных орудий, но у них есть и существенный недостаток: резко замедляется темп стрельбы. Чтобы забить должным образом ядро в нарезной ствол, нужно потратить времени в пять раз больше, чем при зарядании обычного орудия.

– Это плохо! – огорчился Терентий, мысленно уже прикинувший, какие огромные преимущества над противником дадут псковскому гарнизону новые пушки, превосходящие по дальности и меткости стрельбы все известные артиллерийские орудия. – Может, есть какой-то выход? Размышляли ли вы, как ускорить зарядание?

– Есть у наших умельцев-оружейников на сей счет одна задумка, – кивнул Разик. – Но проверить ее они не успели. Кстати, еще не ведая о нападении короля Стефана Батория, Олежа с Губаном собирались к вам в Псков, на пушечный двор, чтобы с вашей помощью проверку эту провести. Давай, Олежа, рассказывай дьяку, зачем ты к нему в гости собирался.

Олежа охотно продолжил беседу с одним из лучших артиллеристов государства Российского, да и, пожалуй, всей Европы:

– Как я уже докладывал, заряжать нарезное орудие с дула – дело трудное и долгое. Однако ведомо нам, что еще сто лет назад псковские судовые рати, бившиеся с тевтонами на реках и озерах, имели на челнах своих особые пищали. А заряжались пищали сии не с дула, а с противоположного конца ствола, в который казенное зелье, то бишь порох насыпается. И именно вались те пищали «казнозарядными». Вот мы и подумали, что ежели в нарезном орудии ядро не с дула, а с казенной части закладывать, то скорость зарядания повысится. Вот и хотели мы на вашем пушечном дворе такое орудие изготовить с вашей помощью и испытания ему произвести. Да тут набег королевский и грянул.

Терентий некоторое время молчал, обдумывая услышанное, затем, чуть прищурившись, глянул на обоих дружинников и спросил требовательно:

– Откуда же вы, братцы поморы, про казнозарядные пищали проведали? Сие есть тайна государственная!

– Наши старые оружейники, которые во Пскове служили еще при прежнем царе Иване, коему наш нынешний государь внуком приходится, про те пищали сказывали, – уклончиво ответил Разик. – Понятно, что речи свои они вели не на базаре, а в вотчине боярина нашего, за семью заборами, где в тайных кузнях мы новое оружие куем.

– Есть такие пищали, – чуть поколебавшись, сознался Терентий. – И мы, конечно же, попробуем задумку вашу о нарезном орудии, заряжаемом с казенной части, совместными усилиями осуществить да испытать. Только времени на это много понадобится, а враг уже у ворот. Поэтому давайте лучше подумаем, как нам уже имеющиеся новые орудия, о коих противник и не подозревает, против него сейчас использовать. Ежели позволите, я таблицу вашу на некоторое время себе возьму, да пойду, поразмыслю в уединении. А в полдень мы с вами здесь же встретимся и решение примем.

В полдень, как было договорено, Разик и Олежа поджидали дьяка у своих орудий. Однако вместо дьяка на заднем дворе княжеских палат появился верхом на лошади не кто иной, как стремянный самого воеводы, князя Шуйского, и направился к дружинникам. Стремянный вел в поводу двух коней. Он передал Разику и Олеже приказ князя сесть в седло и следовать за ним. Обогнув палаты и подъехав к красному крыльцу, лешие увидели, что там их поджидает Терентий, также верхом на лошади. Еще двух коней под богато украшенными седлами конюхи держали в поводу возле крыльца. Вскоре из дверей показался воевода князь Шуйский в сопро-

вождении одного из бояр, князя Андрея Хворостинина. Коротко ответив на приветствие дружинников, воевода приказал им следовать за собой. Небольшая кавалькада выехала из кремля, галопом пронеслась по улочкам окольного города до его южной стены и остановилась возле одной из башен, именуемой Свинарской.

Поднявшись на верхнюю площадку башни, воевода велел стремянному развернуть на широком парапете карту псковских укреплений и предполя, а сам в подзорную трубу принялся оглядывать местность. Согласно мнению вчерашнего военного совета, противник будет штурмовать город именно отсюда, со стороны южной стены. Закончив осмотр местности, воевода еще некоторое время разглядывал карту, а затем обратился к сопровождающим:

– Ну что, господа военачальники, где, по вашему мнению, король Стефан развернет свой лагерь?

Князь Андрей, как старший по званию, ответил первым:

– По канонам военной науки, осадный лагерь должен быть установлен на расстоянии полутора пушечных выстрелов от крепости. Я бы на месте короля Стефана расставил свои шатры вон там, напротив Любянова погоста, рядом с московской дорогой. Там и поле ровное, и несколько ручьев, – боярин указал рукой на видневшийся вдалеке старый погост и прилегающее обширное зеленое поле.

– А ты как мыслишь, Терентий? – повернулся к дьяку воевода.

Дьяк всмотрелся в панораму местности, прикинул дистанцию, сверился по карте, согласно кивнул головой:

– Боярин прав, это лучшее место для лагеря. Я бы тоже развернул свой лагерь именно там.

– Что скажешь, сотник?

– Я могу лишь присоединиться к мнению боярина и государева дьяка, – почтительно ответил на вопрос воеводы Разик.

– Дьяк рассказал мне про ваши пушки, – пристально глядя прямо в глаза Разику, медленно произнес князь Шуйский. – Неужели, они и вправду стреляют в два раза точнее и дальше обычных орудий?

– Истинно так, воевода! – твердо ответил сотник поморской дружины.

– И вы сможете неожиданно накрыть огнем вражеский лагерь, если он действительно будет размещен напротив того погоста?

– Разрешите нам прямо здесь рассчитать дальность, воевода!

Получив разрешение, Разик приказал Олеже заняться расчетами. Тот достал из висевшей на поясе сумки черную дощечку и мелок. Уточнив у дьяка расстояние до цели и высоту башни, дружинник произвел необходимые вычисления и, вытянувшись по стойке «смирно», отрапортовал воеводе:

– Наши пушки добросят ядра до указанного погоста!

Князь Андрей недоверчиво развел руками, а воевода задумался на некоторое время, а затем произнес с расстановкой, словно рассуждая вслух:

– Как мне доложил дьяк, у ваших пушек не только изумительная дальность стрельбы, но и небывалая точность... Скажите, а если вы наведете их днем, то сможете ли вы своими ядрами накрыть лагерь ночью, стреляя вслепую?

Олежа и Разик некоторое время молчали, осмысливая неожиданное предложение воеводы, затем вполголоса обменялись несколькими репликами, и сотник, отвечая на поставленный вопрос, громко и четко произнес:

– Мы сможем закидать лагерь ядрами в ночное время!

– Хорошо! – удовлетворенно кивнул ему князь Шуйский. – Расставляйте и наводите свои орудия. Готовьтесь поприветствовать незваного гостя, короля Стефана Батория, от имени русского града Пскова!

Пан Аджей Голковский галопом взлетел на вершину пологого холма и осадил коня. Прямо перед ним развернулась чудесная панорама: зеленые поля, перемежавшиеся с густыми рощами, широкая река с несколькими притоками, и вдаль, возле самого горизонта – огромный город, блестящий на солнце сотнями золотых куполов своих церквей. Невдалеке от холма по полю проходила торная дорога, и вдоль ее обочины вытянулось бесконечной лентой королевское войско, вставшее на привал. Все роты войска, каждая со своим обозом, двигались в строгом порядке, в соответствии с артикулом, написанным лично королем. Поискав глазами свой штандарт, пан Голковский скомандовал догнавшему его поручику:

– Отведешь людей к нашему обозу, проследишь, чтобы обиходили коней. Потом всем обедать и отдыхать до общего построения. Вели по-быстрому раскинуть мой шатер и пригласи туда от моего имени ясновельможных панов, сам знаешь кого. Да не забудь этого рейтарского полковника, Фаренсберга. – И, увидев, выражение удивления на лице поручика, повторил строго: – Фаренсберга пригласишь лично! Я сейчас отправлюсь с пленными к королю, потом присоединюсь к вам. Достанешь пять бутылок рейнского из потайных запасов. Пить только в шатре, чтобы ни одна живая душа не увидела!

Сделав знак шляхтичам, державшим в поводу коней с сидящими на них связанными русскими пленными, пан Голковский поскакал к тому месту, где лениво колыхался на легком полуденном ветерке тяжелый шелковый королевский флаг.

Лихо на ходу соскочив с коня на глазах Стефана Батория и его свиты, расположившихся на привал по-походному, под открытым небом, пан Голковский кинул поводья подоспевшим королевским конюхам, по инерции пробежал несколько шагов, и упал на одно колено перед королем. Он даже проехал в такой позе некоторое расстояние по скользкой влажной траве. Через четыреста лет так будут завершать свое выступление некоторые фигуристы, подъезжая на одном колене к бортику судейской коллегии. Король, а вслед за ним и вся свита, встретили Голковского рукоплесканиями. Несомненно, будучи судьями в фигурном катании, они поставили бы вельможному пану вполне заслуженный высший балл, как за технику, так и за артистизм.

– Вот, господа, перед вами настоящий рыцарь: ловкий и изящный! – произнес король, обращаясь к свите, и ласково протянул руку Голковскому: Встаньте, пан ротмистр! Я вижу, вы готовы доложить нам о результатах рейда!

Голковский встал, приблизился к королю, восседавшему на походном кресле, вновь опустился на одно колено, приложился устами к царственной длани, затянутой в надушенную замшевую перчатку, выпрямился во весь свой немалый рост и отрапортовал:

– Ваше величество, согласно приказу гетмана, я с эскадром гусар из моей роты сопровождал фуражиров в рейде по близлежащим селам. На маршруте следования мы были атакованы превосходящими силами неприятеля: казаками и татарами. Несмотря на двукратное численное преимущество противника, я решился принять встречный бой. В лобовой атаке мои доблестные гусары наголову разбили врага. Захвачены двое пленных. – Голковский небрежным жестом указал себе за плечо на казака и татарина, которых подвезли вслед за ним, сняли с лошадей и поставили, связанных, в некотором отдалении.

– Браво, пан ротмистр! – воскликнул король. – Жалую вас золотой табакеркой! Пан подскарбий, распорядитесь о выдаче награды. Гетман, вы видите, какие у нас воины! Не бояться во встречном бою выходить один против двух!

– Позвольте, ваше величество, задать вопрос пану ротмистру? – обратился к королю гетман Замоиский, и, получив разрешение, шагнул вперед, произнес требовательно: – Пан Анджей, вы сразу сошлись с неприятелем в рубке или все же вначале открыли огонь из пистолей?

– Да, пан гетман, – с явной неохотой признал Голковский. – Перед тем, как обнажить клинки, мы дали два залпа из пистолей.

– Благодарю вас, пан ротмистр, – удовлетворенно кивнул гетман и отошел назад, заняв свое место в свите.

– Чем вызван ваш вопрос, пан Замойский? – недоуменно повернулся к гетману Стефан Баторий.

– Ваше величество, три дня назад на ночном бивуаке я стал невольным свидетелем спора пана ротмистра Голковского и полковника рейтаров барона Фаренсберга. Барон доказывал, что тактика действий конницы в бою должна быть рациональной и основываться на преимуществах залпового пистольного огня. Пан Анджей горячо ему возражал, отзываясь с пренебрежением о кавалеристах, не вынимающих сабель из ножен. Он апеллировал к идеалам рыцарства, утверждая, что высокий дух благородных поединков и турниров может сохраниться лишь в сражении на клинках.

На лице пана Голковского промелькнуло выражение досады, он гордо вскинул голову, и хотел было возразить великому коронному гетману пану Завойскому, несмотря на всю их разницу в чине и положении. Однако король поднял руку, предупреждая готовую вспыхнуть перебранку, и произнес примирительно:

– Ясновельможные паны! Высокие идеалы рыцарства – это именно то, с чем мы явились в сию дикую страну, изнывающую под гнетом тирана. Мы освободим несчастных русских от их свирепого и жестокого царя Ивана, привьем им европейскую цивилизацию. Чтобы русские нас уважали и почитали, мы должны продемонстрировать им свое превосходство во всем: и в огнестрельном оружии, как это делает барон Фаренсберг, и в фехтовании, которым блестяще владеют пан Голковский и другие шляхтичи. – Король опустил руку, пресекая этим движением все дальнейшие дискуссии, и сменил тему разговора: – А теперь пусть при нас допросят пленных, захваченных доблестным паном Анджеем.

Четверо пахолков-оруженосцев подвели казака и татарина поближе к королю, надавив на плечи, заставили опуститься перед ним на колени. Оба пленные угрюмо молчали, опустив головы.

– Переводчик, спроси их о численности и расположении русских войск в Пскове и его окрестностях! – приказал король. – Обещай им жизнь, награду, и службу в моем войске. Иначе – смерть! На войне – как на войне.

Толмач, подойдя вплотную к стоящим на коленях пленным, произнес несколько слов. Оба подняли головы, равнодушно выслушали его тираду. Татарин в ответ лишь оскалился, сплюнул и отвернулся в сторону, а казак с кривой усмешкой выпалил длинную фразу. Толмач в замешательстве отступил, растерянно повернулся к королю. Паны из свиты, понимавшие по-русски, опустили глаза.

– Что он сказал? – нетерпеливо воскликнул король.

– Непочтительно отозвался о моей... и вашей матушке и прочих родственниках, ваше величество! – запинаясь и подбирая слова, неуверенно пробормотал толмач.

– Они предпочитают умереть за своего тирана-царя? – удивленно произнес король Стефан. – Ну и дикий же народ! Скажи им еще раз, что их сейчас же расстреляют.

Толмач перевел. Пленные молчали, опустив глаза в землю. Казалось, что они шептали про себя последние молитвы.

– Ничего не понимаю! – раздраженно дернул плечом король, – Ладно бы упрямылся только этот казак. Он наверняка язычник-ортодокс, или, как они себя называют, православный. Ему особо ненавистна наша истинная христианская вера, и он предпочитает смерть свету католической религии. Но почему татарин, мусульманин, исконный враг русских, равно ненавидящий всех христиан – и католиков, и православных, следует его примеру и гибнет за чуждую ему страну?

– Цивилизованным людям трудно понять дикарей и язычников, ваше величество! – первым нарушил затянувшееся молчание свиты гетман Замойский. – Некоторые татарские пле-

мена вот уже более ста лет верой и правдой служат русским царям. Видимо, они имеют примитивную психологию и, как хорошие собаки, признают лишь одного хозяина.

– Гетман похвалил или обругал татар? – шепотом спросил подскарбий стоявшего рядом с ним ксендза Пиотровского.

Ксендз, записывающий речи короля и гетмана для истории по поручению ордена иезуитов, опустил перо, оторвал глаза от свитка, развернутого на висевшей у него на шее дощечке для письма, и ответил на скользкий вопрос по-иезуитски блистательно:

– Великий гетман, как всегда, мудр!

– Увести и расстрелять! – прекращая разом все дискуссии, коротко приказал король.

Внезапно пан Анджей Голковский сделал шаг вперед и вновь упал на одно колено перед королем:

– Ваше величество, позвольте вашему верному слуге просить вас о королевской милости!

– Мы слушаем вас, пан ротмистр, – весьма любезно молвил король, жестом велел пану Анджею подняться с колена.

Голковский встал, прямо взглянул в глаза королю:

– Я осмелюсь просить ваше королевское величество не расстреливать этих пленных!

По рядам свиты чуть слышно, но отчетливо прошелестел возглас удивления. Сам король изумленно приподнял брови и слегка замешкался с ответом на совершенно неожиданную просьбу доблестного ротмистра, ранее не замеченного в христианском милосердии к своим противникам. Но, преодолев секундное замешательство, король нахмурился:

– Вы хотите помиловать наших заклятых врагов, пан Анджей? – довольно холодно осведомился он.

Голковский гордо вскинул голову, обвел глазами королевскую свиту. На лицах придворных, привыкших хранить бесстрастное выражение, явственно читались едва скрываемые ухмылки. А полковник немецких рейтар, барон фон Фаренсберг, и вовсе скривил губы в откровенной брезгливой насмешке. Позавчера, как только что вкратце доложил королю гетман, на ночном бивуаке, у Голковского и Фаренсберга вышел спор, едва не переросший в ссору.

Предметом спора стало рыцарство, прославляемое в песнях, звучавших вокруг походных костров. Голковский сотоварищи, как обычно, втайне нарушил королевский указ у себя в палатке и затем отправился гулять по лагерю. Поскольку объем нарушения составил пять бутылок, настроение у пана ротмистра было весьма приподнятым. Подсев к большому общему костру, пан Анджей, благоухая винными парами, принялся во весь голос подпевать самостоятельно написанным войсковым менестрелям. Когда песня закончилась, Голковский громогласно начал восхвалять рыцарей прежних времен, выходивших в одиночку на честный бой с толпами неприятелей. По словам пана Анджея, именно такими и были его предки, шляхтичи в -надцатом поколении. И сам пан Анджей стремился во что бы то ни стало сравняться с ними воинскими подвигами. Рейтарский полковник, барон Фаренсберг, также сидевший у костра и, очевидно, не нарушавший королевских указов, неосторожно позволил себе иметь на лице скептическое выражение. Зоркое око пана Анджея, хотя и слегка затуманенное запретным зельем, заметило сей диссонанс. Пан прервал свою пламенную речь и весьма учтиво, хотя и требовательно, осведомился у господина полковника, согласен ли тот с изложенным. Фон Фаренсберг пожал плечами и вежливо ответил, что хотя его предки получили рыцарство еще во времена крестовых походов, он, как профессионал, считает все повести о рыцарях, побивающих каждым взмахом меча десяток неприятелей, детскими сказками. А воинскую славу своих благородных предков он, фон Фаренсберг, собирается приумножать пистольным огнем в плотном и ровном строю своих рейтар, слаженно выполняющих на поле боя сложные маневры. Пан Голковский возразил, что, по его мнению, стрельба из пистолей – удел плебеев, а настоящий кавалер должен разить врага благородным рыцарским клинком. Лишь появление коронного гетмана, соизволившего заглянуть на огонек к своим офицерам, прервало начавшуюся

было ссору. Пан ротмистр считал за лучшее вовремя ретироваться, ибо гетман славился тонким чутьем, причем отнюдь не в военных и политических вопросах, а в отношении спиртных напитков. Стараясь не дышать в сторону гетмана, пан ротмистр с сопровождавшими его поручиками скрылся во мраке ночи.

Сейчас, стоя перед королем и его свитой, поборник древнего рыцарства, пан Голковский, решил дать своему оппоненту достойный ответ.

– Вы не так меня поняли, ваше величество, – ничуть не смущаясь королевского неудовольствия, продолжил он свою речь. – Я не прошу помиловать наших врагов. Я прошу не расстреливать их. Хотя у нас в войске найдется немало любителей стрельбы!

Этот тонкий и изящный намек поняли все, кому была известна суть спора Голковского с Фаренсбергом. Сам рейтарский полковник слегка помрачнел, с некоторой тревогой ожидая, что сейчас произнесет гусарский ротмистр, пан Анджей, хорошо известный в королевском войске своим буйным нравом и неожиданными дерзкими выходками.

– Раз вы, ваше величество, только что изволили с похвалой отозваться о рыцарских идеалах, начертанных на наших знаменах, позвольте мне в вашем присутствии сойтись с обоими неприятелями в сабельном поединке! – напыщенно произнес пан Голковский, смакуя каждое слово и втайне наслаждаясь изумлением всех присутствующих. – Я готов биться сразу с обоими. Если они победят, то, по законам рыцарства, ваше величество сможет даровать им жизнь и свободу!

Король Стефан некоторое время молча взирал на стоявшего перед ним пана Голковского, словно пытаясь понять, все ли в порядке с головой у доблестного гусарского ротмистра. Тот спокойно выдержал королевский взгляд.

– Ну что ж, пан ротмистр, – наконец произнес король, вставая со своего походного кресла, заменявшего трон. – Во имя идеалов рыцарства я разрешаю вам этот поединок. Гетман! Велите собрать офицеров возле той ложбины. Пошлите туда роту пикинеров. Пусть возьмут сие импровизированное ристалище в кольцо. Зрители, включая нас самих, смогут с удобством расположиться на склонах ложбины и наблюдать сверху за подвигом пана Голковского. Ради такого примера рыцарской доблести я готов продлить время привала на полчаса.

Вскоре пан Анджей стоял на дне ложбины внутри оцепления с саблей в руке, наслаждаясь направленными на него восхищенными взорами сотен глаз. Зрители, оповещенные о необычном поединке, все прибывали. Они выкрикивали приветствия ротмистру, рукоплескали ему. Голковский, поворачиваясь во все стороны, кланялся в ответ. При этом он картинно разминал плечо, руку и кисть. Его сабля выписывала в воздухе стремительные сверкающие петли. Внезапно ротмистр замер на месте и даже прервал разминку, опустил саблю, в изумлении вытаращив глаза. В толпе зрителей, среди всевозможных мундиров и кирас, он вдруг заметил дамское платье. То, что это была именно дама, а не какая-нибудь маркитантка из обоза, наметанный глаз пана Анджее определил мгновенно и безошибочно. Но откуда она взялась в королевском войске? Женам и любым родственницам офицеров, даже высших начальников, было категорически запрещено следовать за войском, не говоря уж о посторонних женщинах. Пан Анджей, забыв о предстоящем поединке, терялся в догадках, невольно залюбовавшись прекрасной незнакомкой. А она была ослепительно хороша. Ее белокурые волосы, уложенные в пышную прическу, венчала сверкающая диадема. Малиновое бархатное платье, стоявшее в целое состояние, плотно облегал тонкий стройный стан, подчеркивало высокую грудь. Дама сидела в складном походном кресле, очевидно, епринесенном специально для нее, небрежно откинувшись назад и выставив из-под платья кончик изящной туфельки.

Поглощенный созерцанием таинственной красавицы, Голковский не обратил внимания на сопровождавших ее людей, плотным полукругом обступивших кресло. Впрочем, люди эти, пожалуй, действительно были самыми неприметными во всем королевском войске, ибо носили не пышные цветастые мундиры, а серые мышиного цвета камзолы. Только синий щит с сереб-

ряным шитьем, красовавшийся на груди, позволял вблизи отличить их от одетых в сермягу простолюдинов.

– Пан ротмистр, вы готовы? – звучный командный голос коронного гетмана вернул Голковского к действительности. Он тряхнул головой, словно освобождаясь от дремы:

– Я готов, пан гетман!

Его противники, казак и татарин, уже стояли на противоположном краю ложбины. Они затравлено озирались на частокोल направленных на них копий и мушкетов, явно ожидая выстрела или удара в спину.

Из рядов оцепления вышел гетманский поручик с двумя саблями без ножен. Он бросил клинки к ногам пленным и произнес на хорошем русском языке:

– Вы сейчас должны биться с этим паном! – поручик указал на Голковского. – Если победите его – король дарует вам жизнь и отпустит восвояси. Берите сабли и бейтесь!

Произнеся эту тираду, поручик покинул импровизированное ристалище, отступил за спины пикинеров. Казак и татарин некоторое время стояли неподвижно, затем, как по команде, бросились к саблям, схватили их и встали спина к спине, явно ожидая, что на них сейчас набросятся окружившие ложбину ландскнехты.

Эй, панове! Я здесь! – насмешливо крикнул им Голковский.

Продолжая вращать саблю по сложной траектории то над головой, то прямо перед собой, пан Анджей не спеша направился к своим противникам. По-видимому, пленные наконец осознали то, что сказал им поручик, и поняли, с кем им предстоит биться. Они переглянулись, разошлись, и двинулись навстречу Голковскому, обходя его справа и слева. Ротмистр сблизился с ними, и, выставив саблю вперед, резко переместился вправо, стремясь избежать окружения и вывести противников на одну линию, чтобы передний мешал заднему. Оказавшийся перед ним казак разгадал маневр Голковского, и, в свою очередь, принялся смещаться влево, чтобы дать своему товарищу возможность зайти справа. Татарин тоже понял смысл всех этих перемещений и с похвальной быстротой начал менять позицию, стремясь не выпустить ротмистра из окружения. Но поскольку он оказался на значительной дистанции от своего противника, то ему пришлось буквально забегать слева. На этом встречном движении ротмистр, ожидавший подобных действий, и подловил татарина. Продолжая смещаться вправо по дуге, Голковский внезапно резко остановился и сделал длиннющий стремительный выпад в противобок, целясь противнику в открывшийся на широком шаге левый бок. На татарине не было кольчуги или панциря. Дамасский клинок ротмистра легко пробил стеганный ватный халат и вошел под ребра. Татарин беззвучно осел на траву.

Резко выдернув саблю, Голковский этим движением одновременно развернул себя навстречу оставшемуся противнику. Казак замер на долю секунды, потрясенный гибелью товарища, но затем с яростным криком бросился на ротмистра. Голковский отбил рубящий удар сверху, сделал ответный выпад. Казак от этого выпада ушел, изогнувшись всем телом, и вновь попытался рубануть врага, на сей раз сбоку. Ротмистр успел среагировать на этот страшной силы удар и подставил под него свою саблю, положив раскрытую ладонь левой руки на обух клинка возле острия. Если бы он этого не сделал и держал саблю одной рукой, то казак неизбежно пробил бы его защиту. Резкий страшный звук столкнувшихся клинков коротким эхом разнесся по ложбине. Дистанция была слишком мала для следующего как рубящего, так и колющего удара, и казак попытался отпрыгнуть назад, чтобы занять выгодную позицию для новой атаки. Но Голковский, не разгибая полусогнутой руки, без замаха, сведя лопатки, не рубанул, а буквально резанул его по шее своей саблей, которая могла соперничать по остроте с любой бритвой. Этот сложный режущий удар ближнего боя обычно наносится ножом. Чтобы нанести его саблей, нужен большой опыт и мастерство. Гусарский ротмистр Голковский был действительно выдающимся мастером фехтования и имел за плечами десятки боев и дуэлей.

Казак выронил саблю, схватился рукой за перерезанное горло и упал замертво рядом со своим боевым товарищем. Над ложбиной на несколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Голковский снял шлем, сделал несколько шагов по направлению к королю, наблюдавшему за схваткой со склона ложбины, и изящно поклонился ему, широким жестом картинно отведя в сторону окровавленную саблю. Зрители разразились громкими восторженными криками и рукоплесканиями. Король поднялся со своего кресла:

– Позвольте выразить вам наше восхищение, пан Анджей! Вы только что доказали всему миру, что есть еще на свете истинные рыцари. Канцлер! Наградить пана ротмистра золотой цепью! Но награду вручить на следующем привале. А сейчас командуйте общее построение. Мы продолжаем наш славный поход!

Король энергичным шагом двинулся в сопровождении свиты к дороге, где его уже ожидали оседланные лошади.

Пан Анджей низко поклонился в ответ на лестные слова короля. Подняв голову, он тут же попытался отыскать среди зрителей, уже начавших расходиться вслед за королем, таинственную красавицу. Он успел заметить в движущейся толпе ее малиновое платье. Голковский бросился было ей вслед, но к нему уже подбежали друзья и соратники, окружили со всех сторон, принялись жать руки, хлопать по плечу и всячески выражать свое восхищение его подвигом. Голковский отвечал невпопад, не сводя глаз с того места, где исчезла, как призрачное видение, прекрасная незнакомка. В конце концов, ротмистр опомнился, и приказал своим людям направиться в расположение роты и встать в строй походной колонны.

Через некоторое время, когда королевское войско вытянулось длинной сверкающей лентой вдоль большой дороги и в привычном ритме двинулось вперед, Голковский повернулся в седле, окликнул поручика. Тот дал коню шенкеля, поравнялся со своим командиром.

– Ну что, Казимеж, утерли мы нос этому рейтару, фон Фаренсбергу? – с нотками явного торжества в голосе задал ротмистр риторический вопрос.

– Так точно, пан Анджей! – восторженно подтвердил поручик. – Жаль только...

Он нарочито замялся, словно не решаясь продолжить фразу.

– О чем нам жалеть, гусар? – поощрительно произнес Голковский, по тону подчиненного поняв, что тот готовится произнести свою очередную шутку.

– Жаль, что мы не успели нарушить королевский указ! В вашей палатке все было налито! Голковский радостно захохотал, откинувшись в седле.

– Но ведь я тебя, плута, знаю! – отсмеявшись, погрозил он пальцем поручику. – А ну-ка предъяви мне для осмотра вон ту флягу!

Поручик, сделав вид, что смущен, снял с пояса серебряную флягу в замшевом чехле, с готовностью протянул ее ротмистру. Голковский отвинтил пробку, сделал из горлышка несколько больших глотков.

– Что это? Почему у воды в твоей фляге такой странный вкус? – с притворным удивлением воскликнул он.

– Позвольте попробовать, пан ротмистр? – придав лицу озабоченное выражение, попросил поручик.

Голковский протянул ему флягу. Поручик допил содержимое, повернул пустую флягу вниз горлышком, вытряхнул на дорогу несколько оставшихся капель.

– Ну, что скажешь, плут? – строго спросил Голковский.

– Не распробовал, пан ротмистр! – развел руками поручик.

Голковский вновь принялся весело хохотать. Жизнь была воистину прекрасна! Но для полного счастья гусарскому ротмистру все же недоставало кое-чего весьма важного.

– Послушай, Казимеж, – уже без обиняков обратился он к поручику. – Ты ж у нас лучший разведчик. Так вот, доложи-ка мне, разведчик, что за дама в малиновом платье была среди зрителей моего поединка?

Поручик смущенно пожал плечами:

– Прошу прощения, пан ротмистр, но мое внимание было всецело поглощено вашим героическим поединком, и я не имел возможности разглядеть упомянутую даму.

– Ну что ж, – благосклонно кивнул поручику пан Голковский. – Твоя невнимательность вполне извинительна. Однако сейчас я ни с кем не сражаюсь, и ты вполне можешь смотреть по сторонам. Поскольку ротмистры имеют право во время движения войска посылать порученцев в другие роты, я посылаю тебя разузнать как можно больше о даме в малиновом платье. Разумеется, все вопросы ты должен задавать неофициально, и исключительно от своего, а не от моего имени. Езжай к своим многочисленным приятелям, через час вернешься ко мне с докладом.

– Слушаюсь, пан ротмистр! – Поручик поклонился по-военному четким кивком головы, прищипорил коня и поскакал по обочине дороги вперед, обгоняя колонну.

Голковский проводил его взглядом и с мечтательной улыбкой на лице вновь погрузился в грезы о прекрасной незнакомке. Он машинально правил своим конем, сохраняя дистанцию с шедшей впереди ротой, его ухо чутко улавливало привычные звуки, сопровождающие движение войска. Малейшее нарушение обычного походного ритма мгновенно привлекло бы внимание ротмистра, вывело бы его из мечтательного настроения. Но королевское войско беспрепятственно двигалось по завоеванной русской земле, и истинный рыцарь древнего шляхетского рода, пан Голковский, только что совершивший деяние, достойное баллад, мог беспрепятственно предаваться изящным и благородным любовным фантазиям, не отвлекаясь по пустякам.

Миновало около полутора часов, прежде чем поручик, съездивший в арьергард и в авангард войсковой колонны, вернулся в роту. Он поравнялся с Голковским, лихо развернул коня, и зарысил бок обок со своим командиром.

– Ну, что разузнал? – нетерпеливо воскликнул пан Анджей.

Поручик почтительно приложил ладонь к краю своей широкополой шляпы с пышным плюмажем, произнес с восторгом:

– Осмелюсь доложить, пан ротмистр, во всем войске только и разговоров о вашем благородстве и вашей доблести!

– Да я спрашиваю тебя не об этом, – чуть раздраженно прервал его Голковский. – Что узнал про даму?

– О-о! – загадочно протянул поручик, наслаждаясь предвкушением предстоящего рассказа и того впечатления, которое он произведет. – Тут, оказывается, целая история, прямо-таки рыцарский роман...

– Давай, не томи! – Ротмистр по тону своего любимца уже понял, что тот разузнал нечто действительно интересное.

Поручик весьма красочно и выразительно, с эффектными паузами, которым позавидовал бы заправский менестрель, поведал своему командиру то, что ему удалось узнать о таинственной незнакомке. Ее имя было пани Анна Залевская. Она являлась вдовой главного лесничего при дворе прежнего польского короля. Ясновельможный пан Залевский, при смене власти удалившийся от придворной жизни, женился на ней год назад. Ранее новоявленная пани Залевская была маркизой фон Штаден. Ее прежний муж, маркиз Священной Римской Империи, несколько лет находился при дворе русского царя Ивана. Маркиз был личностью сугубо таинственной. По слухам, он то ли поссорился с родственниками, то ли совершил некий другой неблагоприятный поступок и вследствие этого бежал в Россию. Там он верой и правдой служил царю Ивану и даже входил в число его любимых опричников. Но согласно другим слухам, фон Штаден был тайным посланником, вернее, шпионом самого Папы Римского. Однако маркиз погиб во время осады Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем, сгорев в огне невиданного пожара вместе с еще восьмьюстами тысяч несчастных жителей русской столицы, беженцев и

воинов. Женившийся на вдове маркиза старый пан Залевский был недолго счастлив с молодой красавицей-женой. Нынешней весной он внезапно скончался в своем замке то ли от сердечного приступа, то ли вследствие несчастного случая. Детей у пана не было, поэтому все его немалое наследство перешло к вдове.

В этом месте своего рассказа поручик сделал самую длинную паузу. Пан Голковский, конечно же, оценил, что дама, сразившая его красотой, к тому же еще и сказочно богата. Но дальше поручик сообщил и вовсе неожиданные сведения. Оказывается, пани Анна на свои собственные деньги организовала отряд, который присоединился к королевскому войску, выступившему в поход на Русь. Именно поэтому она и находится в войске с личного разрешения короля.

– Но почему я не встретил ее ранее? – удивленно воскликнул пан Голковский.

В ответ поручик рассказал такое, что выдавший виды ротмистр от изумления раскрыл рот и на несколько минут лишился дара речи. У пани Анны Залевской служили не просто наемные солдаты, ландскнехты или рейтары. Она собрала в свой отряд лучших бойцов некогда могущественного, но пришедшего в упадок и недавно фактически распавшегося тевтонского ордена. Эту элиту немецкого рыцарства, таинственную и страшную, называли вервольфами. Но самым поразительным в добытой поручиком информации был отнюдь не тот факт, что некая ясновельможная пани организовала отряд из вервольфов. Знающие люди в один голос заявляли, что пани Анна якобы лично сей отряд возглавила. Она, переодевшись в неприметное серое обмундирование вервольфов, совершала наравне со своими бойцами разведывательные и диверсионные рейды. Именно потому, что она была одета по-мужски, ее до поры до времени в королевском войске никто не замечал. Тем более что вервольфы и на походе, и на привале обычно держались особняком, и разбивали свои палатки чуть в стороне от общего стана. И лишь сегодня пани Анна появилась среди зрителей беспримерного поединка в женском платье, более подобающем знатной даме.

Выслушав сногшибательное сообщение своего поручика, пан Голковский некоторое время обалдело молчал. Затем он откинулся в седле и захохотал так, что его конь присел и попытался встать на дыбы. Привычно осадив скакуна твердой рукой, ротмистр, продолжая смеяться, повернулся к скачущему рядом поручику:

– Казимеж, мой мальчик, тебя разыграли! Дама-диверсант! Ха-ха-ха!!!

– Уверяю вас, пан ротмистр, эти сведения мне сообщили абсолютно серьезные и заслуживающие доверия люди, – попытался возразить молодой поручик. – К тому же история знает немало примеров, когда женщины облачались в рыцарские доспехи и бились наравне с мужчинами. Например, Орлеанская дева...

– Скажешь тоже – дева! – бесцеремонно перебил его пан Голковский. – Она такая же девственница, как и рыцарь!

Благородный шляхтич вновь радостно засмеялся, придя в восторг от своей собственной весьма сомнительной остроты.

– Нет, я не сплрю, – продолжил он, – я не сплрю, что некая дама, Орлеанская или Залевская, может напялить на себя рыцарский наряд и разъезжать в нем перед войском, изображая военачальника. Но согласись, что наряжаться и сражаться – это весьма и весьма разные занятия!

Поручик в ответ развел руками и обиженно надул губы.

– Ну-ну, Казимеж! – Голковский дружески потрепал поручика по плечу. – Не обижайся! После твоего рассказа мне еще сильнее захотелось познакомиться с этой таинственной и воинственной пани! Как ты думаешь, мы сможем нанести ей визит сегодня вечером, на привале?

– Прошу прощения, пан ротмистр! Не на привале, а в осадном лагере, – с чуть заметной ноткой превосходства всезнающего разведчика поправил поручик своего командира и указал хлыстом вперед. – Там, за рощей – поле, а за ним – Псков!

С невысокого холма открывалась великолепная панорама города Пскова. Король Стефан, восседавший на послушно замершем белом коне, и высшие чины королевского войска, находившиеся за его спиной, могли без помощи подзорных труб отчетливо видеть, как передовые отряды венгерской конницы лихо форсировали небольшую речку Череху и, расходясь влево и вправо, приближались к стенам города, охватывая его полукольцом. Однако взоры короля и его свиты были прикованы вовсе не к своему авангарду. Ясновельможные паны не могли оторвать глаз от самого Пскова.

– Господи Иисусе и пресвятая дева Мария! – едва слышно прошептал ксендз Пиотровский, не решаясь громкой репликой нарушить потрясенное молчание высших чинов. – Какой большой город! Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться. Во всей Польше нет таких огромных городов.

– Как вы полагаете, гетман, – обратился король к пану Замойскому. – Русские рискнут выйти из стен крепости навстречу нашим храбрым венгерцам?

– Наверняка выйдут, ваше величество, – без колебаний ответил гетман. – Да, собственно, вот и они!

И правда, ворота под одной из псковских башен распахнулись, и из них на полном скаку вылетел русский отряд. Русские, продолжая свое стремительное движение, развернулись в лаву и понеслись навстречу венгерцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.